

Иди пѣ !

М О Н А Х Ъ
Ф Р А Н Ц И С К А Н С К О Й,
или
ПАГУБНЫЯ СЛѢДСТВІЯ
ПЫЛКИХЪ СТРАСТЕЙ.

С о ч и н е н і е

славной Гж. Радклиффъ.

Переведено съ Французскаго

И. Пвнкв. и И. Рслкв.

Часть третія.

Somnia, terrores magicos, miracula, sagas,
Nocturnos lemures, portentaque. —

Horatius.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи И. Глазунова, 1805 года.

**Печатано съ дозволенія Санктпербург-
ской Цензуры.**

М О Н А Х Ъ

Г Л А В А Ш Е С Т А Я.

Ivres d'amour, dans les bras l'un de l'autre
ils cherissent l'obscurité et voient avec
chagrin naître le jour.,,

Lee (*)

Наконецъ прошли первыя восхищенія —
попухъ пламень и — спыдъ возгнѣздился
въ сердцѣ Гиларія — спыдъ занялъ мѣс-
то удовольствія. — Ужасаясь своей слабо-
сти, онъ изпоргаешся изъ объятій Матиль-
ды. — Будущее привозило его въ размышле-
ніе; вся великость его клятвопреступле-
нія предспавилась его воображенію — онъ
зрѣлъ въ послѣдствіи нещасція, естли
только дѣла его отккроюшся. — Съ без-

(*) Упоившись любовію въ объятіяхъ одинъ
другаго, они благословляли мракъ, и съ
скорбію взирали на зарю восходящую.

Lee.

покойствомъ о будущемъ, съ опчаяніемъ въ душѣ, съ проклятіями на слабость человѣческую, онъ избѣгаетъ глазъ страстной подруги своей. — По нѣкоторыхъ минушахъ мрачныхъ размышленій, Машильда взявъ съ нѣжностью руку Гиларія, и приложивши ее къ пламеннымъ устамамъ своимъ прервала молчаніе —

„Гиларій! — сказала она полудрожащимъ голосомъ. Онъ вздрогнулъ — взоры Машильды встрѣтились со взорами Гиларія, и — слезы заблестали въ глазахъ ея. Пламень разпространился по лицу Машильды; казалось, что убѣдительныя взоры ея испрашивали себѣ милости.,,

„Пагубная женщина, сказалъ онъ: въ какую бездну несчастій, ты меня повергаешь! — Еслили откроешь полъ твой — то я заплачу своею честью — своею жизнью — за нѣкоторыя минушы удовольствія. — Безумный я! — попустивъ себя твоимъ очарованіямъ — теперь что предпріяшь мнѣ? — Какимъ образомъ я изглажу сіе преступленіе? — Несчаст-

ная Матильда, ты навсегда разрушила мое спокойствіе. —,

„Не ко мнѣ ли относятся упреки сіи, Гиларій? — Ко мнѣ, которая посвятила тебѣ всѣ удовольствія свѣта — роскошь, богатство, милую скромность — наследіе пола моего, своихъ родителей, свое щастіе и честь свою? — Скажи мнѣ есть ли какая либо у тебя потеря, которая бы не была и моею купно? — Не дѣлила ли и я свое преступленіе? Не раздѣлялъ ли и ты мое удовольствіе? — Твое преступленіе, сказала я: — но въ чемъ оно состоитъ? — Оно существуетъ только въ низкомъ мнѣніи черни. — Сіи преступленія — естлибъ только они не учинились извѣстными человѣчеству — суть божескія удовольствія — и никто не имѣетъ права возставать противу нихъ? — Природа изглаживаетъ свои кляшвы въ разсужденіи непорочности; — ибо человекъ не рожденъ для оной и — естлибъ любовь была преступленіе, то Богъ не сдѣлалъ бы удовольствія любить — споль пріятнымъ. И такъ прогони, другъ мой, сіи мрач-

ныя пучи, которыми чело швое покрывается — наслаждайся безъ отговорки счастьемъ, тебѣ принадлежащимъ. Прекрати упреки — въ разсужденіи первыхъ моихъ уроковъ, прекрати и — отвѣтствуй восхищеніямъ женщины, тебя обожающей.,,

Между тѣмъ, какъ она говорила — сладостраспная томность, разлилась въ глазахъ ея. — Грудь ея воздымалась; обвивъ нежными руками своими Гиларія, она паки привлекла его — жаркой поцѣлуй очутился на губахъ его, и — Гиларій почувствовалъ, что сладострасптіе въ немъ одушевляется — намѣреніе было принято, — клятвы нарушены и — преступленіе уже исполнено. Прижавъ съ новымъ жаромъ Машильду къ груди своей, забывъ стыдъ, онъ предался со всею полнотою спраспи своей невоздержности; — между тѣмъ сладостраспная Машильда испошала всѣ изобрѣшенія порочной спраспи, — всѣ утонченности превышающія искусство — улучшашъ удовольствія, чтобъ возвысить цѣну власпи своей, чтобъ сдѣлать живѣйши-

ми возхищенія своего любовника. Гиларій вкушалъ удовольствія, до сихъ поръ ему еще неизвѣстныя; — ночь протекла шагами исполина, и — багровой румянецъ покрылъ чело стыдливой Авроры, заставшей его еще въ объятіяхъ Машильды. —

Упоившись удовольствіемъ, Гиларій оставилъ ложе роскошной Сирены — не краснѣясь отъ содѣланнаго безстыдства своего, и — не помышляя о мщеніи Небесъ, имъ раздраженныхъ; — онъ шокмо спрашился, чтобъ смерть не прервала нишь забавъ его, которыхъ онъ былъ лишенъ столь безчеловѣчно, и — къ наслажденію которыхъ долговременный постъ удивительно подстрекалъ аппетитъ его. —

Ядъ въ Машильдѣ дѣйствовалъ, и Гиларій страшился болѣе о жизни своей любовницы, нежели о жизни своей спасительницы, которой однажды лишившись, онъ не могъ бы сыскать другую, могущую приносить ему удовольствія столь же удобныя, сколь и вѣрныя; — почему онъ усиленно просилъ Машильду,

чтобъ она для сохраненія своей жизни употребила всѣ способы, которые по увѣренію ея, находились въ ея власти. —

„Хорошо, отвѣчала Машильда — ты далъ мнѣ почувствовать цѣну дней моихъ, но я хочу, хотя бы то мнѣ и многова стоило, спасти жизнь свою. — Никакая опасность не отвратитъ меня отъ моего предпріятія. Я безъ препа буду зрѣть послѣдствія моего дѣянія, буду вѣрить, что жертва моя гораздо ниже того блага, которое мнѣ должно исходатайствовать; буду вспоминать, что одна минута въ семъ мірѣ, проведенная въ твоихъ объятіяхъ, еще недорого стоитъ — если я куплю оную цѣлымъ вѣкомъ наказанія въ томъ свѣтѣ; но прежде нежели я рѣшусь на сіе, то поклянись мнѣ Гиларій, поклянись — что ты не будешь изыскивать иныхъ способовъ, какими я сохраню жизнь свою. —

Гиларій, хотя не понималъ въ точности словъ Машильды, такъ какъ и предложенія ея; однакожъ онъ далъ ей клятву, къ которой она его побуждала.

„Я благодарю тебя, милой мой! сказала она. — Сія предосторожность была необходима; ибо ты еще, такъ сказать, невольникъ просонародныхъ предразсужденій. — То, что я предпринимаю сдѣлать въ ночь сію, по чрезвычайности своей должно привести тебя въ содроганіе, и — унижить меня въ глазахъ твоихъ. Скажи мнѣ, у тебя ли ключъ отъ заднихъ дверей, находящихся на восточной сторонѣ сада? — Какъ? отъ воротъ ведущихъ къ подземельнымъ пещерамъ Сенш-Клерскаго монастыря?„

„Да, отъ этихъ самыхъ, которые ведутъ къ кладбищу общему между вами и монахинями. — „

„Хотя я и не имѣю, но легко могу достать его.„

„Сего только я и прошу отъ тебя. — Проводи меня въ полночь слѣдующей ночи къ мѣсту кладбища. Между тѣмъ какъ низойду въ пещеру, ты будь стражемъ моимъ, чшобъ никто не могъ замѣлить моихъ дѣйствій. Тамъ я побуду не болѣе одного часа. — Такимъ-то образомъ я сохраню жизнь свою и по-

свящу ее своимъ удовольствіямъ! — А чтобъ избѣгнуть подозрѣній, чрезъ весь день этакъ ты меня не долженъ видѣть. Смори, — не позабудь о ключѣ, и помни, что я тебя въ полночь ожидаю; прощай, я слышу, кто-то идетъ, оставь меня, я припворюсь спящею. —

Гиларій повиновался. Выходя изъ кельи, онъ встрѣтилъ отца Паблоса, — я иду, сказалъ сей послѣдній, посмотришь, каковъ мой молодой больной. — „Тише! отвѣчалъ Гиларій, говори по тише — онъ теперь почиваетъ, не возмущай его покоя. — Колоколъ зазвонилъ и они пошли къ заупрени.

Гиларій почувствовалъ въ себѣ смятеніе, взошедши на крылосъ. --- Грѣхопаденіе было для него еще новостью --- ему казалось, что всѣ предстоящіе могли чистая ясно на лицѣ его приключенія. --- Онъ хочетъ молиться; но тщетно. --- Молитва не воспламеняется въ груди его, --- блуждающія его мысли непрерывно уносили его къ сокровеннымъ прелестямъ Машильды; но зато припворная свящость замѣняла шо,

чего не доставало къ дълумудренности
внутренней; онъ никогда не казался
сполько набожнымъ, какъ въ ту самую
минушу, въ которую разрывалъ съ не-
бомъ всѣ свои обязательства. --- Такимъ
образомъ онъ присовокуплялъ лицемеріе
къ клятвопреступленію, ни мало о томъ
не воображая. ---

Утренняя кончилась, и --- Гиларій
возвратился въ келью свою. Свѣжее
впечатлѣніе удовольствій, которыми
онъ наслаждался въ первой разъ еще,
волновало грудь его. --- Идеи и чувство-
ванія его были --- смѣшанный хаосъ угры-
зеній, сладострастія, безпокойствія и
страха; иногда онъ сожалѣлъ о семъ ду-
шевномъ покойствіи, о семъ спутникѣ
добродѣтели, которое до сихъ поръ бы-
ло удѣломъ его. Иногда предавался из-
лишеству страсти своей, о которой
одна мысль предъ симъ за 24 часа при-
водила его въ прелесть ужаса. Онъ
содрогался воображая, что сама малѣй-
шая его, или Мавильды нескромность
можетъ обратитъ въ ничто то высокое
мѣніе, которое стоило ему тридцати-

лѣтнихъ трудовъ; и которое привязало къ нему сердца черни, коей онъ былъ идоломъ. Совѣсть также изображала мрачными красками слабость его, его кляшвы, имъ нарушенныя; а страхъ представлялъ глазамъ его ужасы наказанія, и --- онъ воображалъ зрѣть себя уже въ рукахъ Инквизиціи. ---

Но съ другой стороны представлялась ему красота Машильды, сладоспρασныя ея наставленія, которыя вкоренившись, никогда не изстребляются изъ памяти, и воспоминаніе которыхъ приводило душу его въ изступленіе. --- Плашежь жертвою невинности и чести можешъ ли почестъся дорогимъ плашежемъ? Ни мало. Онъ проклиналъ глупое щеславіе, привязавшее его въ самое лучшее время жизни своей къ мрачнымъ занятіямъ, и повергающее его въ совершенное невѣжество о шѣхъ удовольствіяхъ, которыя доставляетъ намъ любовь и женщины. --- Онъ вознамѣрился, не взирая на послѣдствія, продолжатъ связь свою съ Машильдою. --- Призвавъ къ себѣ на помощь всѣ разсужденія, мо-

гуція ушвердить вѣ сей рѣшительности, онѣ спрашивалѣ самѣ себя, вѣ чемѣ будетѣ состоять преступленіе его, еспѣли сіе грѣхопаденіе никому не будетѣ извѣстно, и какихѣ послѣдствій онѣ долженѣ ожидать отѣ сего? Располагая себя по всѣмѣ правиламѣ чина своего, надѣвѣ маску цѣломудрія, онѣ удобно можетѣ сохранитѣ почтеніе людей и -- покровительство неба; ибо малѣйшее нарушеніе клятвы не причтеться ему вѣ преступленіе, однимѣ словомѣ, все убѣждало его предаться безѣ опасенія, согласно сѣ совѣстію, похотливому побужденію спраси своей.

Такимѣ образомѣ рѣшившись на начертанный планѣ своего поведенія, движенія его успокоились; онѣ бросился вѣ постелю и предался спокойствію; подкрѣпивѣ силы свои глубокимѣ сномѣ, онѣ чувствовалѣ себя, по своемѣ пробужденіи, совершенно разположеннымѣ возобновитѣ дѣйствія свои, какѣ скоро случай откроется. ---

Согласуясь сѣ повелѣніемѣ Машильды, онѣ не посѣщалѣ ее чрезѣ весь день.

Отецъ Паблосъ объявилъ за трапезою, что Розарій рѣшился исполнить его предписанія; но что всѣ лѣкарства произвели надъ нимъ весьма слабое дѣйствіе, и что никакая сила человѣческая, какъ онъ думаетъ, не можетъ избавить его. --- Настоятель былъ въ томъ согласенъ, и оплакивалъ несчастный жребій молодого человѣка, котораго дарованія предвѣщали высокія надежды.

Настала ночь и --- ключъ отъ сада былъ уже въ рукахъ Гиларія. --- Когда все въ монастырѣ покоилось, онъ оставялъ келью свою и --- идетъ къ Матильдѣ, совсѣмъ уже собравшейся.

„Я ожидала тебя съ нетерпѣніемъ, сказала она --- моя жизнь зависитъ отъ сей минуты. --- Съ тобою ли ключъ? --- Вопль онъ, сказалъ настоятель: -- Ну такъ пойдѣмъ же въ садъ; намъ не должно терять времени; спускай за мною.,,

Взявши одною рукою маленькую покрывную корзинку, — подъ споломъ споявшаю, а другою лампаду, горѣвшую на каминѣ, Матильда вышла изъ кельи своей, въ препровожденіи Гиларія. -- Оба

они хранили глубочайшее молчаніе. Машильда шла съ великою оспорожностію по двору монастырскому къ восточной сторонѣ сада; глаза ея блиспали въ сію минушу необыкновенно — рѣшительная опчаянность изображалась во всѣхъ чертахъ ея. — Отдавъ лампаду Гиларію, она опперла заднія ворота и вспувила на кладбище — большой чешвероугольникъ --- обсаженной шисомъ и окруженной каменною снѣною, копорого одна часть принадлежала Доминиканскому монастырю, а другая Сеншклерскому. --- Мѣсто раздѣла означено было желѣзною рѣшопкою, съ сдѣланною въ оной дверью, копорая обыкновенно никогда не зашворялась. --- Машильда, прошедъ оными дверьми, искала дверей и опъ подземельныхъ пещеръ, въ копорыхъ покоился прахъ благодѣтельныхъ Сенш-Клерскихъ монахинь. --- Ночь была мрачна --- ни луны -- ни звѣздъ не было на небѣ --- совершенная пишина способствовала горѣнію лампы, при свѣтѣ копорой они скоро нашли дверь къ подземелью, заросшую

почти совершенно густымъ мхомъ и
справою. --- Три невычищенные камен-
ные схода препровождали шуда и -- Ма-
пильда совсѣмъ-было вознамѣрилась ни-
зойти, какъ шорохъ идущихъ остано-
вилъ ее --- „Кто-то есть въ пещерахъ,
сказала она въ полголоса настоятелю,
возвратимся, пусть выдутъ. --- Сказавъ
сіе, Машильда вспала за одинъ большой
монументъ, воздвигнутый въ честь мо-
нашья основательницы --- Гиларій ей
послѣдовалъ, и скрылъ блескъ лампы
своей. --- Спустя нѣсколько минутъ,
двери отворились и --- они увидѣли, при
блескѣ слабыхъ лучей свѣта, идущихъ
двухъ женщинъ въ монашескомъ плашѣ,
и между собою разговаривающихъ. -- На-
стоятель удобно могъ узнать въ одной
изъ оныхъ Сент-Клерскую Игуменью, а
въ другой, одну почтенную монахиню.

„Все готово, говорила Игуменья, и
завтра жребій ея рѣшится. --- Слезы и
вздохи ея, меня не пронутъ. --- Уже
двадцать пять лѣтъ, какъ я начальни-
цею монашья сего, а шакого безспуд-
ства я и не слыхала.,,

„Но нѣкоторыя особы будутъ вамъ прошивуполагать. --- Агнесса имѣетъ въ монастырѣ друзей --- а особливо . мать Сеншъ-Урсулію, которая ее будетъ защищать всею своею силою. --- Да и по справедливости, сударыня, она заслуживаетъ имѣть друзей. Агнесса столь молода -- такое въ ней раскаяніе -- ахъ! сударыня, я увѣрена, что слезы ея --- суть слезы истиннаго раскаянія, а не страха отъ наказанія. Я осмѣливаюсь ласкаться будущимъ ея поведеніемъ, естли вы только убавите жестокости вашего опредѣленія.,,

„Убавишь! сестра Камилла, ты меня удивляешь. Какъ? обезчестишь мой домъ въ глазахъ святаго человѣка, котораго весь Мадридъ почищаетъ, того, надъ которымъ мнѣ хошѣлось возпоржеспвовать, показавъ ему порядокъ дисциплины своей. --- Ахъ, какою мерзкою должна я быть для глазъ его! --- Нѣтъ! --- я не могу лучше доказать Гиларію мой ужасъ къ подобнымъ приключеніямъ, какъ вооружаясь противъ виновной всею строгостію за-

коновъ. Оставь прозъбы свои , завтра я должна показать страшный примѣръ; намѣреніе мое непоколебимо.

Камилла ей возражала ; но онъ уже столь были отдалены , что словъ ихъ не можно было слышать. Игуменья отворила двери, соединяющіяся съ Сент-Клерскимъ Аббатствомъ , и обвзошли въ оную. ---

По уходѣ ихъ, Машильда спрашивала Гиларія , кто шакова была Агнесса, прошивъ которой Игуменья столь раздраженною кажется , и какую связь она съ нимъ имѣетъ. --- Онъ, ей пересказавъ все приключеніе, присовокупилъ.,, Съ того самаго времени я нахожусь въ смятеніи ; впрочемъ я надѣюсь увидѣть завтра Игуменью, и попрошу ее поступить съ сею несчастною дѣвицею пососрадательнѣе. ---

„Сохрани Богъ, прервавъ его, сказала Машильда. --- Сія столь нечаянная переменна, кромѣ удивленія, можетъ быть возродитъ въ разсужденіи тебя подозрѣніе, кошораго тебѣ для собственной

своей пользы избѣгать надлежитъ. — Лучше увеличитъ жестокость опредѣленія. Грѣми всегда прошивъ пороковъ другихъ, — чшобъ тѣмъ лучше скрыть собствѣнные. Оставь сію несчастную собствѣнному ея жребію, — неразуміе ея заслуживаетъ наказанія. Она не достойна наслаждаться удовольствіями любви, — потому что она не умѣетъ скрыть оныхъ. Но время не терпитъ; дай мнѣ лампаду, мнѣ должно низойти въ пещеру, --- а ты здѣсь дожидайся меня. --- Крикомъ своимъ ты можешь меня увѣдомить о приближеніи кого либо; но подъ опасеніемъ своей жизни, чшобы не случилось, ты не осмѣливайся мнѣ слѣдовать --- смерть, въ ту же самую минушу, будетъ цѣною безразсуднаго своего любопытства.

Сказавъ сіи слова, она приблизилась къ дверямъ пещеры, держа въ одной рукѣ лампаду, а въ другой корзинку. --- Двери отворились сами собою и --- представили глазамъ ея лесенку изъ чернаго мрамора. --- Она низошла, и Гиларій преслѣдовалъ глазами слабой свѣшъ лам-

нады по мѣрѣ погруженія оной въ подземелье. Наконецъ свѣтъ исчезъ, и --- онъ оспался среди глубочайшихъ мраковъ. --- Гиларій не зналъ, какъ извяснить имъ видѣнное. Оставшись одинъ, онъ разсуждалъ о скорой переменѣ характера и чувствованій Машильды. „Не ужь ли это та молодая, скромная дѣвушка, говорилъ онъ самъ себѣ --- которая еще недавно, видя во мнѣ начальника, покорялась волѣ моей; теперъ же говоришь со мною тономъ повелительнымъ? я въ ней не нахожу уже женскихъ добродѣтелей, кромѣ мужескихъ, Въ ней нѣтъ сожалѣнія къ несчастной Агнессѣ, --- сего чувствованія, которое споль естественнo сердцу женскому. --- Гиларій досадовалъ, найдя любовницу свою нечувствительною ; --- однакожъ не взирая на правоту своихъ замѣчаній, и искренное состраданіе о Агнессѣ, онъ рѣшился ничего не дѣлать въ пользу ея. ---

Между тѣмъ, какъ Машильда оставила его, часъ протекъ; но Машильды еще не было --- любопытство его

было въ высочайшей стспени. ---
Приблизившись къ лѣспницѣ , онъ
прикладываетъ ухо свое, и по вре-
менамъ слышитъ только одни глу-
хіе тоны Машильдина голоса, повто-
ряющіеся подъ пространными свода-
ми подземелья. --- Побуждаемъ жела-
ніемъ проникнуть въ тайну сію, онъ
рѣшился низойти въ пещеру, не взирая
на приказанія Машильды; но едва спу-
пилъ на первую ступень лѣспницы
--- какъ нечаянно - мгновенное воспа-
леніе поразило взоры его и --- при-
нудило возвратиться. ---- Земля содро-
гнулась , --- колонны, поддерживаю-
щія окружныя строенія, задрожали, ---
огненный столпъ пролилъ свѣтъ во всѣ
пещеры, но сей свѣтъ исчезъ въ одно
мгновеніе. Тишина паки воцарилась
и --- густые мраки окружили снова Ги-
ларія; слухъ его среди ночнаго мол-
чанія поражался однимъ только прон-
зительнымъ крикомъ нешопырей, летаю-
щихъ вокругъ него. --- Каждая минута
умножала удивленіе Гиларія. Протекъ
еще часъ и --- шопъ же свѣтъ паки по-

казался, но шокмо въ сопровожденіи сладкой и торжественной гармоніи, которая, разливаясь по подземельнымъ сводамъ, наполняла душу его и удовольствіемъ и ужасомъ. Вскорѣ по томъ онъ услышалъ тихой шелестъ походки Машильды, идущей къ нему съ большими прелестями, съ лицомъ сіяющимъ опъ восхищенія.,, Что ты видѣла? сказала она.,, --- По два раза огненный столбъ на этой лѣстницѣ.,, -- А больше ничего ?,, --- Ничего.,, --- Уже свѣтаешъ, время намъ возвратиться.

Машильда поспѣшала въ свою келью; мучимый любопытствомъ Настоятель не отставалъ отъ нея. --- Заперши двери и положивши корзинку и лампаду, Машильда бросилась въ объятія Гиларія. ---,, Я успѣла въ своемъ намѣреніи, вскричала она. --- Я теперь превыше всѣхъ моихъ надеждъ! --- Я буду жить, Гиларій, буду жить для тебя единственно, ахъ! для чего мнѣ не позволено сдѣлать тебя участникомъ моей радости --- раздѣлишь съ тобою власть свою, и вознесши тебя сколькожъ пре-

выше пола твоего, сколько я чрезъ одну опважность вознеслась выше моего собственнаго! но я напоминаю тебѣ о клятвѣ твоей, не любопытствуй. Я не могу --- и не должна увѣдомить тебя о происшедшемъ, и надѣюсь, что ты и не потребуешь сей довѣренности. --- Если ты уже не могъ, продолжала она съ улыбкою и поцѣловавъ его, если ты не могъ, говорю, устоять въ клятвѣ, данной тобою Богу, то ты по крайней мѣрѣ удержишь клятву, данную Машильдѣ. ---

Сердце настоятеля возпламенилось снова, и --- сцены прошедшей ночи были повторены. Онъ былъ столь часты, что скоро пресыщеніе уступило мѣсто возхищеніямъ. --- Радуюсь нечаянному выздоровленію Розарія, Гиларій безъ страха и безъ угрызенія совѣсти наслаждался благосклонностію Машильды; --- но едва шокмо успѣла пройти недѣля, какъ онъ уже началъ открывать въ ней существенные пороки. Но какъ совершенное обладаніе, охлаждающее мужчинъ, умножаетъ горячность женщинъ --- то по мѣрѣ

возвышенія пламенной спрассти Машильды, спрассть Гиларія спановилась гораздо холоднѣе. --- Онѣ меньше прежняго искалъ ея сообщества, --- былѣ не внимателенъ къ рѣчамъ ея; даже самой голосъ ея --- мѣшающійся съ шонами инструмента, на которомъ она играла совершенно, не приносилъ ему никакого удовольствія. -- Однимъ словомъ, Машильда могла ясно видѣть, что Гиларій ничего иного не ощущалъ къ ней, -- кромѣ холонокровія, и что, будучи отъ природы непосреденъ, онѣ воздыхалъ о перемѣнѣ. -- Въ самой вещи Наспоятель воздыхалъ о всякой женщинѣ, ему встрѣчающейся; однакъ, спрашась обнаружить тайну лицемѣрія своего, онѣ скрывалъ желанія свои во глубинѣ сердца своего.

Здѣсь чтобѣ уразумѣть послѣдующія приключенія, необходимо нужно обнаружить характеръ перваго Героя сей исторіи.

Гиларій не рожденъ былѣ для страху, --- сіе расположеніе было послѣдствіемъ его воспитанія. Естлибѣ юность его препровождена была въ свѣ-

тскомъ кругу, побъ въ немъ обнаружились мужественныя и блестящія качества. — Дѣятельность, твердость и неуспрашимость были природныя его свойства, его сердце — было сердце воина и — онъ бы былъ великимъ, естлибъ былъ начальникомъ арміи. Сужденіе его было обширное, твердое и рѣшительное, душа благородная. — Нещасные находили въ немъ повѣреннаго, сострадающаго ихъ горестямъ. — Съ сими дарами природы, онъ могъ бы бытъ украшеніемъ страны своей; но всѣ сіи блестящія качества помрачены были монастырскою жизнію. — Лишившись по нещастію родителей въ цвѣтущей своей юности, онъ подпалъ власти одного дальняго своего родственника, копорой ничего столько не желалъ, какъ покмо, чшобъ никто не говорилъ ему объ ономъ, онъ повѣрилъ воспишаніе его одному изъ друзей своихъ --- насно-яшелю Доминиканскому. --- Сей, при-спраспившись къ монашесству, ничего не опускалъ для увѣренія сего юноши, что нѣтъ истиннаго въ свѣтѣ щаснія,

кромѣ жизни въ спѣнахъ монастырскихъ. Ему немного стоило успѣшь въ этомъ. --- Честолюбіе молодого человѣка ничего не имѣетъ въ виду своемъ, кромѣ помѣщенія поспешенно въ санъ Доминиканской. --- Наставники его великое прилагали стараніе изкоренить въ немъ начало сихъ благородныхъ и безкорыстныхъ добродѣтелей, которыми его одарила природа, и они вмѣсто побужденія ко всеобщему благодѣянію, швердили ему шокмо о эгоизмѣ, и собственныхъ своихъ выгодахъ, вперили ему мнѣніе почиташъ погрѣшности людскія преступленіемъ, старались ревностно перемѣнить благородную опкровенность его характера въ подлое пресмыканіе; --- а чшобъ удобнѣе обратишь въ ничто естешвенную смѣлость его, они сковали страхомъ младую душу, представивъ глазамъ его всѣ ужасы суевѣрія, -- изобразили черными и отвращительными красками мученія преступниковъ, увѣковѣчили наказанія за малѣйшую погрѣшность; и такъ удивительно ли, что воображеніе, безпрерывно занимаясь

сими предметами, перемѣнило характеръ его въ страхъ, низвело его даже къ робости. При томъ будучи совершенно чуждъ жизни мірскія, онъ не зналъ опасностей оной и предсавлялъ о томъ идеи весьма отдаленныя отъ существенности. Между тѣмъ, какъ иноки занялись искоренить такимъ образомъ его добродѣтели, связать понятіе его, унижить его чувствованія, они давали волю созрѣвать порокамъ, составляющимъ его характеръ, возхваляли расположеіе его къ гордости, тщеславію, къ честолюбію, ревности къ равнымъ себѣ, къ удивленію единственно своимъ достоинствамъ, къ неумолимости и жестокости въ мщеніи; --- однакожъ, на зло учителямъ симъ, его добрыя качества не рѣдко проникали сквозь шуманъ, ихъ покрывающій. --- Такимъ образомъ борьба, возникающая между существеннымъ его характеромъ и пріобрѣтеннымъ, была поражающая особенность, неизвѣстная впрочемъ для незнающихъ сей загадки. --- Очъ произносилъ противъ виновныхъ строжайшія опре-

дѣленія и --- спустя минушу сострада-
ніе его уменьшало оныя, чершилъ опва-
жнѣйшіе планы --- и въ шужь минушу
спрахъ принуждалъ его оставить оныя;
врожденной жени его /изливалъ на пред-
меты мрачныя свѣтъ блистающій ---
какъ вскорѣ суевѣріе погружало его во
тѣмь глубочайшую. -- Прочіе иноки, почи-
тающіе его за человека высокаго, ни мало
не замѣчали сихъ прошиворѣчій въ по-
веденіи ихъ начальника. Они были увѣ-
рены, что онъ шворить зло былъ не въ
состояніи, и что онъ безъ здравогомыслія
никогда не перемѣнялъ своего опредѣ-
ленія.

Между тѣмъ, какъ борьба сія суще-
ствовала шокмо между прошиворѣчущи-
ми чувствованіями, полученными имъ
отъ природы и воспитанія, спраспи
его, на которыя ничто еще не дѣйств-
вовало, вооружились для одержанія надъ
нимъ побѣды; они были по нещастію ве-
сьма опасной посредникъ, къ которому
онъ могъ прибѣгнуть. Уединеніе ему
до сихъ поръ еще благодѣшествова-
ло, опнимаю у него случаи для опкрышія

его порочныхъ качествъ; а превозходство его дарованій споль возвысило его надъ его собратіями, что они не могли и ревновать ему. Его соспрананіе, краснорѣчіе и приманчивые его обороты доспашили ему всеобщее почтеніе; а слѣдовательно онъ и не имѣлъ неудовольствія мспишь, честолюбіе его оправдывалось единодушнымъ признаніемъ его способности, и гордость его въ глазахъ всѣхъ людей была не что иное, какъ справедливое надѣяніе на собственныя силы свои. Съ прудомъ понимая различіе между мужескимъ и женскимъ поломъ, онъ ни мало не занимался онымъ. -- Видя въ продолженіи своихъ исповѣданій людей влюбившихся, онъ улыбался имъ онъ соспрананія. --- Частые посты, молитвы и жестокія изнуренія шѣла его, погасили пламень его молодости. --- Но едва онъ узналъ то, что называется любовію, то и сила религіи была слаба воспрепишь пламеннымъ его желаніямъ; всякое препяшствіе уступало силѣ спремительнаго, пылкаго и сладострастнаго его шемперамента. --- Съ сей-то самой

минуты всѣ прочія спраспи его, принявъ новой характеръ, ожидали шокмо случая обнаружиться съ усиліемъ равно непреодолимымъ. ---

Такимъ образомъ онъ продолжалъ бытъ удивленіемъ всего Мадриша; энтузіазмъ возвышался ежедневно. --- Всякой четвершокъ церковь его была наполнена и проповѣди были всегда равно внимаемы. Онъ былъ духовникомъ знашнѣйшихъ всѣхъ домовъ сего города, и шотъ никогда не былъ въ модѣ, копорый не подвергался эпипиміямъ опца Гиларія. Онъ настоялъ въ своемъ намѣреніи не выходитьъ никогда изъ монастыря своего, -- думая шѣмъ возвысить народное мнѣніе о его свяшоспи. Женщины повсюду воспѣвали хвалы ему и возвышали шокмо соспраданіе его, но и важность жесповъ его, краснорѣчіе взоровъ, величеспвенный видъ и пріятный окладъ лица его. По упру не лзя было примѣшпшь и монастырскихъ ворошъ опъ великаго множеспва карешъ, ихъ окружающихъ. Самыя преспешныя женщины Мадришскія, знаш-

пныя по сану своему и по породѣ никогда другимъ, кромѣ его, не признавались въ секретныхъ грѣхахъ своихъ. Хотя взоры Гиларія и пожирали ихъ прелести и --- еслибъ духовныя дочери его посоветовались съ сими нѣмыми исполкователями, то не было бы нужды для узнанія желаній его, употребляя другихъ знаковъ; но по несчастію онъ не примѣчалъ того; сколько-то онъ были увѣрены о его непоколебимой святости! --- Всякому извѣстно, что знойной климатъ удивительно дѣйствуетъ на сердца Испанскихъ женщинъ; но самая дерзновеннѣйшая изъ нихъ скорѣе бы подумала вдохнуть спросъ въ мраморную статую св: Доминика, чѣмъ въ хладное и суровое сердце неоскверненнаго отца Гиларія. ---

Съ своей стороны Гиларій, имѣя малое понятіе о развратности свѣща, не думалъ найти между прекрасными своими исповѣданницами большаго числа такихъ, которыя бы отвергли любовь его. --- Но ставъ просвѣщеннѣе, стараніе не ослабило о себѣ опзывъ, содѣлало его осмотрительнымъ; онъ зналъ сколь шу-

дно женщинѣ хранишь тайну столь спранныю и столь важную, какъ тайну его паденія. --- И такъ всѣ сіи красавицы возхищали шокмо чувства его ; но не прогали ни мало его сердца. --- Одна изъ нихъ принуждала его забывать другую. --- Разсуждая такимъ образомъ, онъ вознамѣрился держаться одной Машильды, хошя онъ уже слишкомъ былъ къ ней холоденъ. ---

Въ одинъ день спеченіе кающихся удержало его близъ часа въ исповѣдной. Не давъ времени разойтися народу, онъ пригошовлялся уже къ выходу изъ часовни, какъ двѣ женщины приблизились къ нему съ видомъ глубочайшаго униженія, скинули покрывала свои, и младшая изъ нихъ просила его выслушать ее нѣсколько минутъ. --- Пріятной тонъ голоса, котораго ни одинъ человекъ не могъ бы слышать безъ возхищенія, привлекъ вниманіе и почтеннаго отца настоятеля. Милая просительница казалась бытъ поверженною въ смущеніе. Щеки ея были блѣды, слезы блисшали въ глазахъ ея,

прекрасные ея волосы въ безпорядкѣ развѣвались по плечамъ и низпадали на грудь ея. --- Честная, пріятная, небесная фізіогномія, могла бы плѣнить сердце менѣе чувствительное, нежели какое билось въ груди настоящаго. Унизивъ тонъ голоса своего и поступки свои, онъ сказалъ ей, что онъ готовъ слушать ее; --- да и въ самомъ дѣлѣ онъ внималъ словамъ ея съ движеніемъ, чрезъ каждую минушу болѣе одушевляющимся.

„Почтенный отецъ, сказала она, я осуждена лишиться милаго единственнаго друга моего --- дражайшая мать моя больна и --- лекари опчаяваются въ ея выздоровленіи. Упопреблены были всѣ пособія человѣческія и --- теперь мнѣ осталось токмо умолять Божіе милосердіе. --- Почтенный отецъ, весь Мадридъ превозноситъ твое соспраданіе, свои добродѣтели; удостоной вспомануть въ молитвахъ своихъ мать мою. Можешь быть Всемогущій низойдешь твоему моленію и сохранишь мнѣ оную. Я клянусь приходишь сюда въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ во вся-

кой четвертокъ и сожигать свѣщи въ честь святаго Доминика. ---

„Очень хорошо, сказалъ Гиларій самъ въ себѣ, вотъ еще второй *Vincentio de la Ронда*. Такимъ же образомъ началось приключеніе Розарія --- дай Богъ, чтобъ и это такъ же кончилось;!

Онъ общалъ сей дѣвицѣ все то, чего она испрашивала отъ него.

„Я еще осмѣливаюсь васъ объ одной милости просить; мы въ Мадридѣ чужестранны. Мать моя имѣетъ нужду въ духовникѣ и не знаетъ, къ кому въ семъ случаѣ адресоваться. Меня увѣряли, что вы никогда не выходите изъ монастыря своего, мать моя такъ же не имѣетъ силъ придти сюда. И такъ, почтенный отецъ, сдѣлайте милость, наменуйте мнѣ такого человека, котораго бы мудрыя и благочестивыя утѣшенія усладили послѣднія минуты моей родительницы, и вѣчная признательность къ вамъ останется въ сердцахъ нашихъ.

Гиларій согласился и на сіе прошеніе. Да и какую прозъбу онъ могъ бы

отвергнуть? --- Онъ обѣщалъ ей при-
сласть духовника въ тотъ же самый день,
и просилъ ее дать ему свой адресъ.
Сопутница молодой красавицы пода-
ла ему каршу съ ихъ адресомъ и --- ми-
лая красавица, осыпавъ настоятеля бла-
гословеніями, вышла въ препровожденіи
подруги своей, и --- взоромъ Гиларія,
преслѣдующихъ ее даже до выходу изъ
часовни. Взглянувъ на карпочку, онъ
читалъ слѣдующее: *Донна Эльвира Даль-*
фа, въ улицѣ св: Яко, четвертыя воро-
ты, близъ палатъ Дралборноса. --- Про-
сительница была въ самой вещи Аншо-
нія, въ препровожденіи шепки своей Лео-
неллы, которая не безъ труда согласи-
лась препроводить племянницу свою въ
монастырь. Гиларій вдохнулъ въ нее
споль великое къ себѣ почтеніе, что
она шептала при его видѣ. --- И сіе
чувствованіе было причиною молчанія
ея въ его присутствіи, не взирая на же-
ланіе свое говорить съ нимъ. ---

Настоятель возвратился въ келью
свою, и --- образъ Антоніи ему туда
послѣдовалъ. Онъ чувствовалъ возреж-

деніе тысячи новыхъ движеній въ груди своей, въ причину которыхъ онъ не дерзалъ проникнуть. --- Они совершенно были различны отъ тѣхъ движеній, которыя вдохнула ему Машильда при открытіи пола своего и любви своей. Чувства его весьма мало были встревожены. --- Грудь его не была, такъ какъ тогда, фокусомъ сладострастныхъ желаній; спокойное его воображеніе не рисовало ему прелестей, на которыхъ скромность распросперла непроницаемый быспрыми его взорами покровъ свой; чувствуемое имъ было --- смѣсь нѣжности, удивленія и почтенія. --- Тихая сладостная меланхолія проникала душу его, и --- которую онъ не согласился бы промѣнять на живѣйшія восхищенія, ---

„Щасливъ тотъ, вскричалъ онъ, кто будетъ обладать сердцемъ сей обожанія достойной дѣвицы! --- Какая нѣжность во всѣхъ чертахъ ея! Какое изрядство во всѣхъ ея видахъ! Какая пріятная и робкая невинность во взорахъ ея! --- сколько различно небесное краснорѣчіе очей ея, отъ похотливаго огня, блистающаго

въ глазахъ развращенной Матильды! Ахъ! --- Въ тысячу разъ пріятнѣе долженъ быть одинъ поцѣлуй, собранный на розовыхъ губахъ ея, нежели всѣ благо-склонности другой, споль охотно рассыпающіяся. --- Матильда привлекла меня къ наслажденію, принудила впасть въ ея объятія, --- она же тщеславится безшудствомъ своимъ! — Есльлибъ ей была извѣстна всемогущая прелестъ скромности, ахъ! онабъ всегда приковала къ себѣ сердце мужчины — сколь крѣпко приковала бы она его къ красотѣ своей! и допустила ли бы она его, искашь другихъ прелестей? --- Можетъ ли какая либо жертва показаться шрудною, чшобъ выиграть любовь дѣвицы сей? Ахъ! есльлибъ мнѣ было позволено извѣяснить ей любовь мою предъ лицомъ земли и неба, употребить всѣ старанія для внушенія ей моей нѣжности, почшенія и дружества; сидѣть возлѣ нея часы, дни и цѣлые годы; получить право внимать живымъ израженіямъ ея призна-тельности; зрѣть движенія невиннаго сердца ея, раздѣлять ея удовле-

слвія и --- изсушитъ слезы ея; зрѣтъ ищущую въ объятіяхъ моихъ защиту и утѣшеніе ея молодости! --- Если только можеть существовать совершенное щастіе въ семъ мирѣ, то оно шокмо, бытъ въ объятіяхъ сего ангела.,,

Наполнившись сими мыслями, онѣ ходилъ большими шагами по кельѣ своей, съ пошупленными взорами и съ наклоненною головою; все существо его казалось ему разстроенымъ, и глаза его наполнились слезами. --- Образъ химерическій, вскричалъ онѣ съ горестію, --- она для меня погибла! никогда я не могу бытъ супругомъ ея; а ставишь съпи ея невинности, употребляшь во зло ея ко мнѣ довѣренность, чшобъ для ея гибели. . . . О! нѣтъ, нѣтъ! Это будетъ преступленіе самое ужаснѣйшее, такое преступленіе, какого отъ начала міра не случалось! --- Не бойся меня, милая дѣвица, добродѣтель швоя ни чѣмъ не оскорбится отъ Гиларіа. Нѣтъ, для всѣхъ сокровищъ Индіи я не захочу поселитъ въ сердцѣ швоемъ мученія угрызений. Бѣгая по горницѣ,

онъ увидѣлъ на стѣнѣ портретъ свой Машильды, которой онъ былъ недавно еще столь ревностнымъ обожателемъ, -- сорвалъ его съ презрѣніемъ, повергнулъ и попралъ ногами. ---, Прочь, сказалъ онъ, прочь отъ меня безстыдная!

Нещастная Машильда! любовникъ ея забылъ, что для него одного она ошре-клась онъ добродѣтели; но онъ не любилъ ее болѣе, по тому, что она слишкомъ много любила его. ---

Бросившись въ кресла, стоящія близъ столика, увидѣлъ онъ карточку съ Эльвиринымъ адресомъ. --- Вспомнивъ, что онъ обѣщалъ прислать ей духовника, онъ размышлялъ о семъ нѣсколько времени; но власть Антоніи надъ сердцемъ его была слишкомъ велика, чтобъ позволишь разсуждать долгое время о предпріятомъ своемъ намѣреніи. --- Онъ рѣшился самъ быть духовникомъ симъ --- по тому что онъ могъ. весьма удобно выдти изъ монастыря, не бывъ примѣченнымъ, пройди улицы, не бывъ узаннымъ, закрывъ голову капюшономъ, и принудишь

Эльвиру хранить секретъ его. Онъ только спрашiлся проницательности Машильды. Но надѣялся, что открывъ ей въ столовой желанiе свое бытъ уединеннымъ въ кельѣ своей на весь этотъ день, она не подумаетъ надсматривать надъ его поступками.

Такимъ образомъ Гиларiй вышелъ изъ монастыря своего посредствомъ пощаенныхъ дверей въ тѣ самые часы, когда Гишпанцы обыкновенно отдыхаютъ послѣ обѣда. --- Закрывъ лице, онъ пробѣжалъ многія улицы и --- какъ зной въ сіе время бываетъ чрезвычайной, по ему весьма мало людей встрѣчалось на дорогѣ. Онъ вошелъ въ улицу Сен-яго, нашелъ домъ Эльвиры, позвонилъ, и былъ препровожденъ въ переднюю.

Здѣсь-то Гиларiй началъ спрашиваться открытія тайны своей. --- Если-либъ Леонелла была дома, тобъ весь Мадридъ, благодаря болшлвымъ ея расположеніямъ, узналъ, что почтенный отецъ Гиларiй для сестры ея нарушилъ слово свое, не выходятъ никогда изъ монастыря. Но по щастію Леонел-

ла уѣхала въ Кордую, получивъ ввечеру письмо отъ умирающаго одного своего родственника, и оставляющаго ей и сестрѣ ея малое свое имѣніе. Сдѣлавъ всѣ нужныя къ сему приуголовленія и будучи убѣждена самою Эльвирою, ѣхавъ для полученія своего наслѣдства, она поѣхала сей часъ по возвращеніи своемъ изъ церкви. Леонелла не могла оставить Мадридъ безъ вздоховъ отъ воспоминанія о любезномъ, но невѣрномъ Крисповалѣ. --- Однакожъ послѣ извѣстно спало, что одинъ Кордуанской аптекарской ученикъ, имѣвъ нужду въ деньгахъ для заведенія торгу, объявилъ ей любовь свою, и что Леонелла, будучи чувствительна къ его вздохамъ, ошаспливила его.

Какъ скоро доложили о духовникѣ, Антонія, находящаяся въ сію минуту возлѣ постели своей матери, къ нему вышла., Проспите, сказала она, почтенный отецъ! --- Боже мой! возможно ли? вѣрить ли глазамъ своимъ? --- Достопочтенный отецъ Гиларій для насъ собственно вышелъ изъ монастыря сво-

его, чтобъ усладить горести моей матери. --- Ахъ! какъ она будетъ довольна! пожалуйста, пожалуйста. Маминька! самъ отецъ Гиларій!,,

Она поставила ему кресла возлѣ матери своей и --- пошла въ другую горницу.

Сіе посѣщеніе Эльвирѣ принесло великое удовольствіе. Гиларій, разговаривая съ матерью Антоніи, испощалъ все полученное имъ отъ природы искусство нравиться. --- Силою убѣдительнаго своего краснорѣчія онъ успокоилъ страхи ея, разсѣялъ ея сумнѣнія, утвердилъ мысли ея на безконечной благодати Судіи ея, развѣялъ мрачные ужасы смерти, и убѣдилъ Эльвиру предаваться безъ страха въ вѣчноешъ. --- Она была внимательна къ его увѣщаніямъ, изливающимъ въ сердце ея утѣшеніе и довѣренность. Она не коснѣя открыла ему свои безпокойствія и страхи свои; она уже не спрашивалась будущей жизни, но, оставляя въ семъ мірѣ Антонію, она оставляла ее безъ друзей, которымъ бы она могла рекомендовать ее, кромѣ Мар-

киза де ласъ Систернасъ и своей сестры Леонеллы. --- Покровительство одного было весьма сомнительно, а другой, при всей любви ея къ Антоніи, было совершенно пустое и безразсудное. Гиларій, узнавъ причину ея горестей, просилъ Эльвиру успокоиться и съ этой стороны, что онъ беретъ на себя доставить Антоніи вѣрное убѣжище въ домъ одной духовной своей дочери Маркизы де Виллы - Франки, женщины опмѣнно добродѣтельной и благодѣтельной. --- А естли какой либо случай ее лишитъ и сего пособія; то онъ постарается помѣстить Антонію въ 'одинъ почтенный монастырь нансіонеркою; ибо Эльвира ему признавалась, что она не одобряетъ монашеской жизни, и что инокъ слишкомъ долженъ быть праводушенъ или слишкомъ льстивъ, чтобъ ей согласиться, что оужденіе ея не имѣло основанія. --- Сіи знаки участія весьма много подѣйствовали на сердце Эльвиры; она испостила для возблагодаренія своего всѣ выраженія живѣйшей своей признательности, увѣряя его, что она уже

совершенно предалась въ волю Всемогущаго. По окончаніи сего Гиларій простился съ нею, обѣщавши придти въ томъ же самой часъ на другой день, прося при томъ, чтобъ тайна его посѣщенія была скрыта.

„Я желаю, говорилъ онъ, чтобъ никто не зналъ въ Мадридѣ того, что я нарушилъ правило свое, къ которому я былъ принужденъ необходимостію; ибо естли бы я не рѣшился никогда не выходить изъ монастыря своего, выключая однакожъ необходимыхъ нуждъ, какая привела меня и къ вамъ, то я бы былъ на каждую минуту мучимъ самомалѣйшими бездѣлицами; мнѣ бы необходимо надлежало посвящать капризамъ роскошныхъ и любопытныхъ то время, которое употребляю я съ большею пользою при одрѣ недуго-одержимыхъ. ---

Эльвира, осыпая хвалами его благо-разуміе и человеколюбіе, обѣщала скрывать честь посѣщенія его, и настояшель, благословивъ, оставилъ ее. Но встрѣтившись въ передней съ Антонією, онъ не могъ отказать отъ удовольствія

поговорить съ нею нѣсколько минутъ. Онъ убѣждалъ ее утѣшиться, увѣряя ее, что мать ея совершенно успокоилась, и что онъ надѣется скорого поправленія здоровья ея ; спросивъ о имени лекаря ихъ, онъ убѣждалъ призвать къ себѣ лекаря ихъ монастыря, искуснѣйшаго изъ всего Мадрида; но сказалъ вскользь нѣсколько словъ въ похвалу Эль-виръ, превозносилъ твердость и святость души ея, признался, что она вдохнула въ него высокое къ себѣ почтеніе и съ знаками признашельности, къ которымъ Гиларій былъ не нечувствителенъ. Наконецъ по нѣкоторыхъ минутахъ разговоровъ, въ продолженіе которыхъ настоятель успѣлъ выиграть благорасположеніе и самую довѣренность Антоніи, онъ возвратился, оставивъ мать и дочь въ удивленіи о достоинствѣ его дарованій и добродѣтелей.

При входѣ въ комнату Антоніи узрѣла на лицѣ матери своей щастливое дѣйствіе сего посѣщенія. — Всѣ черты

Эльвиры казались улыбающимися --- и въ сей вечеръ шокмо и говорили о Гиларіѣ.

„Прежде нежели онъ зачалъ говорить, сказала Эльвира, я уже была предрасположена въ пользу его ; выразительность его органа особливо меня поразила. --- Но мнѣ кажется, Антонія, что я подлинно слышала этотъ голосъ, --- онъ чрезвычайно знакомъ показался моему слуху, можетъ быть я и прежде знала Гиларія, или кого нибудь другаго, котораго голосъ подходилъ къ его голосу; признаюсь тебѣ, что нѣкоторыя звоны, нѣкоторыя направленія его голоса проникли даже до моего сердца.,,

„Я васъ увѣряю, маминька, что и надо мной произошло то же дѣйствіе. -- Однакожъ заподлинно я знаю, что ни вы, ни я нигдѣ ни слышали его голоса прежде, нежели мы увидѣли его въ Мадридѣ. --- Можетъ быть приписываемъ мы его голосу и дѣйствіе привлекательныхъ его поступковъ. -- Я не знаю по чему, но гораздо охотнѣе я разговариваю съ нимъ, нежели съ кѣмъ другимъ. Онъ меня слушаетъ со внимательностію,

опвѣчаетъ съ тихостію, ни мало не почитая меня за робенка, такъ какъ почипалъ меня въ замкѣ старый нашъ духовникъ. -- Мнѣ кажется, что я хопя бы тысячу лѣтъ прожила въ Мурціи, то и тогда бы не могла полюбить сего стараго Доминиканца. --,,

„Да, конечно, что отецъ Доминиканецъ не имѣлъ въ себѣ привлекательности; но онъ былъ человекъ честной, благорасположенной и внимательной.

„Ахъ! маминька, да это общія свойства!,,

„Дай Богъ, милое мое дитя, чтобъ опытъ не принудилъ сказать тебя, что они рѣдки! но скажи мнѣ, Антонія, для чего бы мнѣ не возможно было знать прежде этого отца Гиларія?

„По тому, сударыня, что съ самага своего входа въ монастырь, онъ никогда не выходилъ изъ него; ибо онъ столь мало знаетъ Мадридскія улицы, что, какъ мнѣ сказывалъ, съ трудомъ нашелъ и нашу, хопя весьма близка къ монастырю.,,

„Все это возможно ; но вить мнѣ можно было знать его и прежде монашества; по тому, что прежде его выхода изъ монастыря, необходимо надобно ему войти туда. „

„Божія Матерь! какъ мудро Ты расположила ! --- На не возможно ли такъ же, сударыня, родиться ему и въ монастырѣ. „

„Этого не лзя понять, сказала Эльвира съ улыбкою. „

„Выслушайте; -- теперь я вамъ разскажу это. Онъ былъ принесенъ въ монастырь, будучи еще младенцемъ; почему простой народъ и почиталъ его за сладшаго съ неба, и это святая Дѣва дала Доминиканцамъ его вмѣсто дара.

„Это много чести ему дѣлаешь, возразила Эльвира. --- И такъ ты вправду думаешь, Антонія, что Гиларій упалъ съ неба. --- Вотъ самая ужасная развязка!

„Я вижу, маминька, что вы не изъ числа изувѣровъ; но жилица наша, разсказывая это шепушкѣ, утверждала, что

онъ съ неба не упадалъ.,, Родители се-го младенца, говорила она, будучи весьма бѣдны и не могли воспитывать, оставили его въ первую минуту его рожденія у монастырскихъ воровъ. Настоятель по одному человеколюбію, приказалъ воспитать его въ обители и — онъ сдѣлался образцомъ добродѣтели, благочестія, знанія и . . . и — я не знаю еще чего. . . . Наконецъ онъ былъ помѣщенъ въ санъ, и скоро по томъ сдѣланъ былъ Настоятелемъ; однакожъ не взирая на подобныя вѣрояшныя впрочемъ рассказы, всѣ подтверждаютъ, что онъ не говорилъ тогда, когда иноки взяли его въ свое покровительство, а следовательно вы и не могли слышать, сударыня, его голоса прежде всупленія его въ монастырь, по тому что онъ тогда не говорилъ еще. —

„Прекрасно сказано, Антонія, я въ разсужденіи твоихъ заключеній безопытна. Я не думала, чтобъ ты была столь искусна въ Логикѣ. —,,

„Вы смѣшесь надо мною, маминька! — Но я чрезвычайно рада, что на васъ нашелъ доброй стихъ (bonne humeur). Вы также кажетесь гораздо спокойнѣе и — я надѣюсь, что у васъ не будетъ судорогъ. О! я знала, что посѣщеніе почтеннаго отца Гиларія вамъ много принесетъ пользы.,,

„Въ самой вещи онъ мнѣ много принесъ оной — онъ успокоилъ духъ мой въ разсужденіи нѣкоторыхъ пунктовъ, меня возмущающихъ. — Но я чувствую, что глаза мои закрываются — мнѣ кажется, что я могу заснуть; задерни занавѣсы и — если я не пробужусь прежде полуночи, то я прошу себя не оставаться со мною.,,

Антонія обѣщала ей, обняла мать свою, задернула завѣсы, сѣла въ молчаніи за свой памбуръ, и пустилась строить воздушные замки. — Видимая переменна въ положеніи матери одушевляла духъ ея и — воображеніе ея рисовало ей карпины улыбающіяся. —

Въ сихъ размышленіяхъ Гиларій занималъ мѣсто не послѣднее. Она помышляла о немъ съ удовольствіемъ и благодарностію. Но въ невольныхъ сихъ ею дѣлаемыхъ раздѣленіяхъ, естли для сего инока находилась одна степень, то по крайней мѣрѣ оныхъ находилось двѣ для Лорензо. Такимъ образомъ протекло время, и — колоколъ Доминиканскаго храма возвѣщалъ часъ полунощный: Антонія, вспомнивъ прошеніе матери своей, безъ прекословія согласилась на оное — она приблизилась осторожно къ занавѣсу. Эльвира почивала глубокимъ и сладкимъ сномъ — цвѣтъ здравія начиналъ появляться на ланищахъ ея, — слабая на устахъ улыбка возвѣщала пріятность ея сновидѣній. Антонія наклоняется -- воображаетъ слышать имя свое, въ шихомъ шептаніи произнесенное — и, поцѣловавъ шихонько чело своей родительчицы, пошла въ свою комнату. — Здѣсь бросившись на колѣни предъ изображеніемъ святой Розаліи -- своей защитницы, она препоручила себя въ покровительство Божіе и окончила моленіе, по при-

вычкѣ своей съ самаго младенчества,
слѣдующимъ Гимномъ. —

Полночный Гимнъ.

Все спитъ! Лишь колоколъ свя-
щенный,
Нарушивъ ноши тишину,
Бьетъ полночь! — Часъ благословенный,
Привѣтствую теперь тебя! —
Ты бьешь! и сердце бьетъ спокойно —
Кто правъ, въ томъ сердце бьется
вольно.

Се часъ; — въ онъ Сильная Десница
Сны низсыпаетъ съ облаковъ, —
Въ копорой изъ пещеръ подземныхъ
Исходитъ блѣдныхъ сонмъ духовъ! —
Молитва! и душевный міръ
Есть — сердца моего кумиръ!

Чистѣйши Теніи крылапы,
Вы, кои съ выпренихъ небесъ
Паря, судьбу мою хранише —
Разсыпьте мракъ порочныхъ грезъ —

Развѣйте суетны желанья ;
Духъ слабъ прошивъ очарованья. —

Сыновъ тьмы — чудищевъ ужасныхъ
Разсыпьте такъ какъ легкой пеплъ,
И въ сновидѣннѣхъ благодатныхъ
Ласкайте нѣжыте мысль мою. . . .
Отверзите мнѣ въ снѣ прелестномъ
Дверь къ раю — къ жителямъ небес-
нымъ.

И — изъ пустынной этой сѣни
Взлеститъ гимнъ славы въ небеса!
Я буду пѣть пока духъ въ тѣлѣ,
До дня, въ онъ смерть зашмитъ гла-
за. . . .

Свидѣтели горячей вѣры
Надъ мной парите въ массахъ сферы! —

Молитва кончилась, и — Антонія
бросилась на постелю. Сонъ скоро
объялъ всѣ чувства ея. — Въ продолже-

нѣ нѣкоторыхъ часовъ она вкушала по
сладостное спокойствіе, которое мо-
жетъ доставить одна невинность и на
которую промѣняли бы нѣкоторые Мо-
нархи корону свою.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Quelles sont obscures, ces longues et vastes regions! ces lugubres solitudes où le silence règne seul avec la nuit; nuit profonde, comme étoit le chaos, avant que le soleil à sa naissance eût aggloméré ses rayons ou qu'il les eût lancés transversalement sur les épaisses ténébres! Le flambeau des mourans brillant l'une lueur fausse á travers tes voûtes basses et caligineuses, tapissées d'humides moisissures et d'enduits glutineux, répand sur tous les objets une nouvelle horreur et ne sert qu'à rendre ta nuit plus affreuse.

Blair (*)

(*) Какой мракъ въ сихъ длинныхъ и обширныхъ обласпяхъ. Въ сихъ мрачныхъ пустыняхъ царствуетъ одно молчаніе, и -- ночь, ночь глубокая, подобная хаосу, бывшему прежде, нежели солнце по рожденіи своемъ соединило лучи свои, --- или когда оно бросило поперечно оныя въ массы мраковъ! Факель смерти разли-

Наподнивъ воображеніе свое пріятными изображеніями, Гиларій возвратил-ся въ обитель свою, никѣмъ не бывъ примѣченъ. — Ставъ слѣпъ къ опасности, ему предстоящей, при столь близкомъ видѣ прелестей Антоніи, онъ помышлялъ токмо о удовольствіи ея сообщества, и рѣшился не отказывать себѣ въ ономъ. —

Въ самохъ дѣлѣ, онъ не упустилъ испросить у Эльвиры позволенія, видѣть дочь ея всякой день. — Вскорѣ онъ ограничилъ желанія свои стараніемъ вдохнуть въ нее дружество.

Невинное, короткое ея обращеніе подспрекало иноческія желанія, и скромность ея, къ которой онъ привыкъ нечувствительно, (не вдыхала уже въ него болѣе почтенія. — Онъ всегда ей удивлялся; но изыскивалъ средства

вая вкось блѣдный свѣтъ свой на низкія, мрачныя, изпещуренныя влажными заплеснѣлостями и клейкими повапленностями своды швои, прибавляетъ болѣе мерзости ко всему представляющемуся и умножаетъ ужасъ ночи швоей. —

похитишь самую драгоценнѣйшую принадлежность изъ прелестней Антоніи; пламень страсти его и шонкая вкрадчивость, которою, къ несчастію для него самого и для Антоніи, природа одарила его съ изобиліемъ, дополнила малое знаніе его въ искусствѣ прельщать. Замѣчая удобно движенія, долженствующія быть благопріятными его намѣренію, онъ съ жадностію хваталъ случаи — повредишь сердце молодой сей дѣвушки; однакожь не могъ до того достигнуть; ибо совершенная простота Антоніи хощя препятствовала ей проникнуть въ планъ его внушеній; однакожь превосходство морали, данное ей Эльвиною, правдивость, швердосць сужденій ея, и врожденное чувствованіе къ добродѣтели, швердо прошивустояли ложнымъ и дерзкимъ его ученіямъ. — Часпо, очень часто самыми простыми словами разспроивала она софизмы разплишеля, давала ему чувствовать внутренно, сколь слабы софизмы сіи въ разсужденіи непоколебимыхъ правилъ добродѣтели и истинны. — Въ такомъ-то случаѣ Гиларію уже прибѣгалъ къ своему краснорѣчію,

пускалъ тысячи философическихъ парадоксъ, копорыхъ она не понимала, и на копорыя слѣдовательно ей отвѣчать было не можно, — такимъ образомъ онъ находилъ средство, естли не заславлялъ почитать сужденія свои справедливыми, то по крайней мѣрѣ препятствовалъ разсмотрѣть, сколь пагубны они и ложны. Впрочемъ Антонія всегда не переставала держаться твердости своего сужденія, хопя онъ и не сумнѣвался, что со временемъ можетъ привести ее къ желаемой цѣли. —

Гиларій не не зналъ, что его покушенія порочны, что намѣренія его клонились къ прельщенію невинности, однакожь спросъ слишкомъ была жестока, чтобъ ему оставить свое предприятие. Не видя никого въ сообществѣ съ Эльвирою и не слыша, чтобъ ктонибудь искалъ руки ея дочери, онъ не сумнѣвался, чтобъ сердце Антоніи не было свободно. — По сему онъ и вознамѣрился, не взирая на послѣдствія, продолжать намѣреніе свое, и искалъ токмо случая заспать ее одну и безъ защиты. —

Между тѣмъ, какъ онъ такимъ образомъ занимался новою своею спраспю, холодность его къ Машильдѣ со дня на день возрастала. Онъ болѣе и болѣе чувствовалъ къ ней презрѣнiя, — болѣе и болѣе убѣгалъ ея; по тому, что онъ уже не могъ скрыть состоянiя души своей, и — спрашился токмо того, чтобъ она въ бѣшенствѣ своей ревности не объявила той тайны, отъ которой зависѣла и честь, и жизнь его. — Въ самой вещи не возможно, чтобъ Машильда не замѣтила его холонокровiя, да онъ и самъ былъ увѣренъ, что она ясно видѣла оное; по чему всячески спарался убѣгать ея; но — естлибы онъ меньше удалялся отъ нея, то онъ могъ бы замѣпить изъ ласковыхъ и спокойныхъ взоровъ Розарiя, что ему ея нечего опасаться. Въ самомъ дѣлѣ Машильда воспрiяла на себя прiятной и интересной характеръ Розарiя. — Она ни мало не обвиняла его въ неблагодарности, одни токмо взоры ея, въ коихъ блискали невольныя слезы, и крошкая меланхолиа, коисрую можно было

примѣшпть изъ поступковъ и голосу ея, изражали Гиларію прогашельнѣйшіе упреки въ его невѣрности, къ которымъ онъ хошя былъ и не нечувствивеленъ; однакожь, не знавъ способа пособить сему, оказывалъ ей шокмо свое сожалѣніе. А наконецъ увѣрившись въ чувспвованіяхъ ея, копорыхъ онъ не имѣлъ причины спрашпться, продолжалъ пренебрегать ее — ее, копорая, сопротивляясь побужденію своей ревности, продолжала извъявлять ему нѣжность свою. —

Здравіе Эльвиры нечувствивельно поправлялось, она уже болѣе не мучилась судорогами и — Антонія не шрепешала уже о жизни своей матери. Сіе приносило Гиларію тайное неудовольствіе; поелику онъ боялся, что Эльвира, взирая на все проницательнымъ взоромъ, не будетъ долго одурачена пришворною его свяшосшію, и будетъ подозрѣвать его предпріяшя. Почему онъ и рѣшилса безъ всякихъ околичностей испытать, сколь далеко простирается власшь его на сердце Антоніи. —

Нѣкогда нашедши Эльвиру совершен-

но поправившюся въ здоровьѣ, онъ оставилъ ее гораздо ранѣе обыкновеннаго, и не нашедши Антоніи на прежнемъ мѣстѣ ихъ свиданія, онъ пробрался къ ней тихонько въ комнату, которая отъ комнаты матери ея отдѣлена была однимъ только маленькимъ кабинетомъ, въ которомъ обыкновенно спала Флора, горничная женщина. Антонія сидѣла на канапѣ къ дверямъ спиною. Гиларій, вошедши къ ней весьма тихо, сѣлъ возле нея и — привелъ ее въ содраганіе. Вспавши въ шужь минушу, изъяснила ему, сколь она довольна, увидѣвъ его и — предложила препроводить его въ залу. Гиларій, взявши ее за руку, принудилъ паки сѣсть на свое мѣсто. Она сѣла безъ прекословія, ни мало не разсуждая, та или другая комната пристойнѣе для разговоровъ. Будучи шверда сполько же въ своихъ правилахъ, сколько-увѣрена въ правилахъ Гиларія, она расположилась съ нимъ разговаривать безъ прошиворѣчія, — съ обыкновенною своею живостію.

Она говорила о здоровіи своей матери, и о томъ удовольствіи, которое причиняетъ ей ея выздоровленіе.

„Я удивляюсь, сударыня, сказала Настоятель, дѣтской любви вашей. — Она показываетъ превосходство вашего характера, чувствительность вашего сердца, и обѣщаетъ великое сокровище тому, кого предназначитъ небо заслужить любовь вашу. Когда ваше сердце способно къ толикой нѣжности въ сужденіи вашей родительницы, то что оно почувствуетъ къ своему любовнику? Но . . . можетъ быть сіе столь нѣжное сердце уже и занято. — Скажи мнѣ, милое дитя, знаешь ли ты, что такое называется *любовію*? — Говори со мною откровенно, забудь санъ мой и — почитай меня другомъ своимъ. „

„ — Любовь? — Сказала она. О! я очень ее знаю. Я уже столь много людей любила, столь много . . .

„Но я не то совсѣмъ разумѣю. — Любовь, о которой я говорю, есть чувствованіе къ одной токмо особѣ. Скажите мнѣ, не уже ли вы никогда не видали такого человѣка, котораго бы вы желали имѣть супругомъ своимъ! „

„ — Никогда — я васъ увѣряю. „

Здѣсь Антонія солгала, ни мало того не понимая; поелику она совершенно не знала, какія были тѣ чувствованія, копорыя она пишала къ Лорензу; при томъ же, не выдавъ его со дня перваго его посѣщенія, впечатлѣніе, сдѣланное имъ на ея сердцѣ, со дня на день ослабѣвало. Но о мужѣ она помышляла со всѣмъ ужасомъ молодой дѣвушки; по сему-то она и отвѣчала на вопросъ Гиларія „никогда“, ни мало о томъ впрочемъ не разсуждая.

„И не уже ли вы, сударыня, не желаете зрѣть такого человѣка? Не уже ли вы не чувствуете тягостной пустышы въ сердцѣ вашемъ? Не уже ли вы никогда не воздыхаете въ отсутствіе человѣка, любезнаго вамъ, но впрочемъ неизвѣстнаго? Не примѣчаете ли вы, что одна и та же вещь, копорая нѣкогда увеселяла васъ, послѣ не заключаетъ въ себѣ никакой пріятности? Не чувствуете ли вы въ груди своей тысячи возникающихъ новыхъ чувствованій, тысячи новыхъ желаній, кои вы токмо чувствуете, но не понимаете? Возможно ли, чтобъ вы воспла-

меня сердца всѣхъ, васъ окружающихъ, вы сами, --- ваше сердце пребыло хладно и нечувствительно? --- Нѣтъ, я не могу повѣрить. -- Сей тихой пламень взорвѣ вашихъ, сей прелестной румянецъ, одушевляющій ланиты ваши, сія сладоспρασная и очаровательная меланхолія, кошорая иногда разливается по всѣмъ чертамъ вашимъ, все --- все измѣняетъ тайнѣ сердца вашего, вы любите, Антонія, и --- тщетно стараетесь отъ меня скрыть оное. ---

„Вы меня удивляете, почтенный отецъ. Но какое это чувство, сія любовь, о коей вы мнѣ говорите? Я ее совсемъ не знаю, а естлибъ я знала, то для чего бы мнѣ скрывать оное? --- „

„Не встрѣчали ли вы шакого человека, сударыня, кошорой бы казался давно бытъ вамъ знакомымъ, хошя впрочемъ вы его въ первой разъ токмо видѣли, --- кошораго бы лице съ перваго взгляду казалось довольно вамъ извѣстнымъ, -- кошораго бы тонъ голоса былъ пріятенъ слуху вашему и пронцалъ даже до внутренности души вашей, ко-

шораго бы присутствіе восхищало васъ а --- отсутствіе печаливало, въ лоно котораго сердце ваше желало бы изливашься и повѣряшь ему всѣ свои попеченія? Не уже ли сего не чувствовали, Антонія? --- ,

„Ахъ! я это все почувствовала, какъ скоро васъ увидѣла. „

Гиларій вспрепенуль отъ восхищенія.

„Меня? --- вскричалъ онъ, возможно ли, Антонія? „

Удовольствіе и неперпѣливостъ блиспали въ глазахъ его. --- Онъ взялъ руку ея и въ восхищеніи осыпалъ ее поцѣлуями.

„Какъ, сударыня, вы ко мнѣ это чувствовали?

„Да, и еще съ такою живостію, что вы не можете и изъяснить. Съ той самой минушы, какъ я васъ увидѣла, я столько почувствовала удовольствія --- столько благорасположенія, и была столь неперпѣлива слышать тонъ голоса вашего; а когда внимала ему, то онъ столь казался мнѣ обольщитель-

нымъ, столь нѣжное движеніе онъ низливалъ въ сердце мое! — казалось мнѣ, что сей голосъ мнѣ изъяснилъ тысячу вещей, о коихъ мнѣ знать было желательнo; — казалось мнѣ, что я очень давно васъ знаю, что имѣю право на ваше дружество, и на ваше покровительство. Я плачу, когда васъ не вижу и опдыхаю шокмо въ минуты вашего посѣщенія.»,

„Антонія, прелестная Антонія; вскричалъ Гиларій, прижимая ее къ груди своей — вѣришь ли мнѣ чувствамъ своимъ? Ахъ! — повпори мнѣ, милой Ангелъ, скажи мнѣ еще, что вы любите меня, что вы любите меня съ нѣжноспію — „

„Да, Гиларій, я люблю васъ — вы мнѣ по маминькѣ всего въ свѣпѣ драгоцѣннѣе. — „

При семъ живомъ признаніи Гиларій не могъ воздержашь себя. — Въ упоеніи удовольствія, въ жару спраспи своей, съ шрепешомъ заключилъ ее въ свои объятія, осыпалъ жаркими поцѣлуями ланишы и уста ея, вдыхалъ въ себя

владостное ея дыханіе, касался дерзновенною рукою своею до сокровища персей ея; нѣжные, гибкіе члены Антоніи обвивались вокругъ его. Тщешно она, удивившись живости дѣйствій Гиларія, старалась избавишься изъ объятій его.

„Гиларій, оставь меня, вскричала она, прошу тебя, ради Бога оставь меня! — „

Дерзкой монахъ былъ глухъ къ прозвѣбамъ ея, онъ настоялъ въ своемъ намѣреніи и — продолжалъ употреблять гораздо большія вольности.

Антонія проситъ, плачетъ, сопровивляется, страшась продерзости его, не зная впрочемъ причины страха своего. Она употребляла всѣ силы, чтобъ освободиться отъ сего инока — уже была готова звать на помощь къ себѣ, какъ дверь комнаты отворяется. Гиларій имѣлъ довольно присутствія духа, чтобъ мгновенно почувствовать опасность своего положенія. — Оставивъ добычу свою, онъ бросается съ канатомъ, что отъ одного скачка онъ

былъ на срединѣ комнаты. Антонія восклицаетъ отъ радости, бѣжитъ къ дверямъ и — бросается въ объятія своей матери.

Безпокоясь отъ нѣкоторыхъ словъ Настоятеля, которыя ей были высказаны невинною Антоніею, Эльвира вознамѣрилась увѣришься въ своихъ подозрѣніяхъ: она слишкомъ много знала свѣтъ, чтобъ не взирая на великой опозывъ о добродѣтели сего инока, вдругъ повѣришь оному. Нѣкоторыя особенности, впрочемъ сами по себѣ маловажныя, но снесенны вмѣстѣ подтверждали спрхъ ея. -- Часныя визиты Гиларія, посѣщающаго ее, какъ она могла видѣть, болѣе по фамиліи, невольныя движенія при всякомъ разѣ разговоровъ его съ Антоніею, живость взоровъ, возвѣщали въ немъ всю силу его возраста; а особливо тѣ опасныя наставленія, которыя онъ внушалъ ея дочери, и которыя весьма мало согласовались съ наставленіями, даваемыми имъ въ присутствіи ея. — Все сіе соединясь вмѣстѣ, возродило въ

ней сомнѣніе о чистотѣ дружбы Гиларія; по чему она рѣшилась подслушать его, какъ скоро узнаетъ, что разговариваетъ наединѣ съ Антоніею, и — сіе ей удалось исполнить. Конечно она не удивилась бы, увидѣвъ дочь свою въ объятіяхъ его; но безпорядка плащя ея и смятенія, изображающагося во всѣхъ чертахъ Гиларія при видѣ ея, довольно для ней было для оправданія спреховъ своихъ. Но Эльвира, бывъ благоразумною, не пустила въ разгласку его приключенія; ибо чувствуя, сколь трудно, такъ какъ и опасно обнаружитъ такого лицемеря, и желая также избѣжать столь опаснаго непріятеля, она притворилась не замѣтившею движеній его — съ спокойствіемъ сѣвъ на софу, она обьяснилась въ нечаянномъ приходѣ въ комнату своей дочери и — обратила разговоръ на различныя машеріи со всѣми видами спокойствія и также довѣренности. —

Въ продолженіе сего Гиларій мало по малу сталъ справляться отъ своего амъшательства. Онъ хотѣлъ отвѣчать Эльвирѣ безъ всякаго смущенія, но былъ

еще очень новъ въ искусствѣ припво-
ряться. Вообразивъ, что онъ долженъ
имѣть видъ разсѣянной и распроенной
— онъ, прервавъ бесѣду, вознамѣрился
выдти, обѣщая себѣ внутренно сыскасть
случай благопріятнѣйшій; но какое
было его удивленіе когда Эльвира, про-
вожая его, въ учтивыхъ израженіяхъ
сказала ему, что здравіе ея совершенно
поправилось, и что она не намѣрена до-
лѣе лишаться собою другихъ особъ его
присутствія, въ которомъ они могутъ
имѣть нужду. —, Повѣрьте, сказала она,
я вѣчно буду признапельна къ вашимъ
стараніямъ и къ щастливому дѣйствію,
произведенному надъ моею болѣзнію ва-
шимъ сообществомъ и вашими упѣше-
ніями; я сожалью, что необходимость
заняться домашними обстоятельствомъ,
такъ какъ и вамъ предоставитъ
свободу заняться своими, принуждаютъ
меня отказаться отъ удовольствія при-
нимать ваши посѣщенія., -- Сей языкъ, при
всей своей учтивости, былъ довольно
выразителенъ. Однакожь Гиларій, со-
всѣмъ-было приготовился возражать ей,

какъ выразительный взоръ Эльвиры въ одно мгновеніе остановилъ его представленія. Увѣрившись по сему взгляду, что онъ открытъ и не смѣя болѣе настоять, съ бѣшенствомъ, съ гореспію, со стыдомъ въ сердцѣ онъ возвратился въ обитель свою. —

По выходѣ его, Антонія почувствовала чрезвычайное въ духѣ своемъ облегченіе, однакожь она досадовала на случай, отнявшій у нея и надежду видѣть Гиларія. Сама Эльвира нѣсколько сожалѣла; ибо она находила столь великое удовольствіе въ дружбѣ его, что ей очень было прискорбно слыть столь нечаянно обманутою; но она столь много видѣла образцовъ обыкновеннаго друзей чистосердечія, что недолго сожалѣла и о сей потерѣ. Тогда-то уже она дала чувствовать дочери своей ту опасность, въ которую она низвергалась; но — изображала сіе съ великою оспороженностію, спрашась, снимая повязку съ очей ея, разодравъ покрывало невинности. Она довольствовалась токмо своимъ о ней смотрѣніемъ и приказала ей, что есть-

ли Гиларій посѣпитъ ее, никогда не-единѣ съ нимъ не оспаваться. Антонія обѣщалась ей повиноваться.

По возвращеніи въ свою келью Гиларій заперся и — въ отчаяніи бросился въ постелю свою. Спирасць, сожалѣніе, стыдъ, страхъ бытъ обнаруженну, вдругъ возмущая, наполняли душу его смущеніемъ и ужасомъ. — Лишившись надежды удовлетворитъ спраспи своей, копорая впрочемъ составляла часть его существованія, секретъ его былъ еще во власти женщины. --- Воображеніе паденія его ужасало; но помышляя, что безъ Эльвиры онъ могъ бы удобно бытъ обладателемъ предмета спраспи его, безъ Эльвиры! . . . съ спрашными проклятіями онъ клялся мщеніемъ прошивъ нея, клялся, что на зло ей, на зло всей вселенной онъ будетъ обладать Антонією. --- Произнося слова сіи, онъ скорыми шагами ходилъ по горницѣ, билъ въ стѣны кельи своей, краснѣлъ отъ безсильнаго своего бѣшенства, и предался со всѣмъ стремленіемъ своей ярости. ---

Буря еще не утихла, какъ онъ услышалъ тихой стукъ въ двери кельи своей. Спрашась, чтобъ не услышали его изъ спальни, (dormoir) онъ не смѣлъ не отпереть дверей своихъ, по чему стараясь себя привести въ спокойствіе, спустя нѣсколько минутъ онъ отперъ замокъ; дверь отворяется и — Машильда предстаетъ его взорамъ. Машильда въ сію минуту была для него несноснѣе всѣхъ, въ монастырѣ живущихъ. Не могши довольно управлять собою, чтобъ съ крошесью разговаривать съ нею, онъ отступилъ назадъ, увидѣвъ ее, и — нахмурилъ брови свои.

„Я занятъ, сказалъ онъ, оставьте меня.“

Машильда, не внимая ему, заперла дверь и — съ покорнымъ, тихимъ видомъ,, простите мнѣ, Гиларій, сказала она — для собственной вашей пользы я не должна вамъ повиноваться; не спрашивесь упрековъ моихъ, я не пришла упрекать васъ въ неблагодарности — я вамъ это прощаю отъ всего моего серд-

ца и — не бывъ любовницею вашею, я испрашиваю себѣ другаго мѣста, т. е. мѣста повѣренной и другини вашей. Мы не можемъ повелѣвать своими склонностями. Малая красота моя исчезла для васъ вмѣстѣ съ привлекательною новизною, и — естли Машильда не можетъ возбудить страсти вашей, то это порокъ ея, а не вашъ. Но для чего убѣгать меня, для чего столь рачительно избѣгать моего присутствія? Вы имѣете печали и — не позволяете раздѣлить ихъ! Вы имѣете горести и — не хотите моихъ утѣшеній! имѣете желанія --- и не хотите просить моей помощи. — Вотъ токмо въ чемъ, а не въ холоднокровіи ко мнѣ, пришла я упрекать васъ. — Я опрекаюсь отъ правъ любовницы; — но ничто не можетъ меня принудить опрещись отъ правъ дружескихъ.

„Великодушная Машильда, подавая ей руку, сказалъ монахъ, сколь много ты возносишься надъ слабостію пола своего. — Такъ, я принимаю услугу твою, я

имѣю нужду въ совѣтахъ твоихъ, и ты будешь повѣренною думъ моихъ, моихъ предпріятій! ты хочешь, сказала ты, оказать мнѣ вспоможеніе — нѣтъ, Матильда, это не въ твоей власти! —,

„Я имѣю власть сію — я одна только во всей вселенной имѣю оную; твоя тайна, Гиларій — не есть для меня тайною. Примѣчательной взоръ мой замѣтилъ всѣ поступки твои, всѣ твои дѣйствія. Ты любишь! —,

„Матильда!,,

„Для чего припворяешься? ты не можешь спрашиться моею ревнивостію, сего ребячества другихъ женщинъ; ты любишь, Гиларій! Антонія Дальфа есть предметъ заботы твоей. — Я знаю всѣ случаи новой связи твоей, всѣ твои обращенія, знаю о намѣреніи твоёмъ на Антонію, о малости успѣховъ твоихъ, и твоей опсавкѣ, данной тебѣ Эльвирою. Въ сію мину ты опчаявался получишь свою любовницу, и я пришла одушевить надеж-

ды твои и покажешь тебѣ дорогу, могущую препроводить тебя къ успѣхамъ.,,

„Къ успѣхамъ? ахъ, Машильда, это не возможно!.,,

„Нѣтъ невозможности для того, кто смѣлъ. Если бы ты хочешь послѣдовать совѣтамъ моимъ, то ты еще щасливымъ быть можешь. Минута настала, Гиларій; время открыть тебѣ, какъ для утѣшенія твоего, такъ и для твоего счастья, часть моихъ приключеній, тебѣ еще неизвѣстныхъ. Внимай, не прерывая меня и — если бы какая либо вещь въ повѣствованіи моемъ покажется для тебя разительною, знай, что единственная цѣль моя есть — сдѣлать удобнымъ исполненіе твоихъ желаній и возвратишь спокойствіе сердцу твоему. Я сказала тебѣ еще прежде, что мой опекунъ былъ человекъ необыкновенной, которой взялъ на себя трудъ пріобщить меня съ самаго ребячества къ тайнственнымъ открытіямъ. Между познаніями, въ которыхъ его заста-

вляло упражняться одно любопытство, онъ старался о той, которую нѣкоторые нарицають богопротивною, а другіе химическою — т. е. я разумѣю эту науку, которая доставляетъ намъ связь съ духами другаго міра. Его глубокія изысканія дѣйствій и причинъ, его непрерывное упражненіе въ познаніи естества, совершенное знаніе, пріобрѣтенное имъ отъ алмазовъ, въ лонѣ земли находящихся, отъ различныхъ зѣлій, распущихъ на поверхности ея, препроводили его къ концу предпріятія, столь имъ много желаемого. — Любопытство и честолюбіе его совершенно удовлетворены были, онъ предписывалъ законы стихіямъ, имѣлъ во власти своей перемѣнять чинъ природы, проникалъ въ будущность; адскіе духи были подвластны его повелѣніямъ. Но ты шрепещешь — я понимаю языкъ глазъ твоихъ — твои подозрѣнія справедливы, хотя страхъ твой не имѣетъ никакого основанія. — Опекунъ мой сообщилъ мнѣ всѣ свои драгоцѣннѣйшія отккрытія, и --- еспьлибы я никогда

не знала себя, Гиларій, побѣ я никогда не вздумала дѣлать употребленіе сей власпи своей. Одно слово магіи меня устращало, какъ и себя, и --- я имѣла, шакъ какъ и ты, ужасное понятіе о вызваніи демона; одно побужденіе могло принудить меня испытать страшные уроки сіи --- п. е. желаніе сохранить жизнь свою, которой ты далъ мнѣ чувствовашъ настоящую цѣну. Припомни шу ночь, которую я препроводила въ Сент-Клерскихъ пещерахъ, въ сію-по самую ночь, будучи окружена ужасными мраками, я осмѣлилась сдѣлать опышъ власпи своей, совершитъ таинственныя обряды, призывающіе въ помощь мою ангела мрака --- вообрази же, какая была радость моя, когда я увидѣла, что спрахи мои были химерическіе --- Я увидѣла демона, повинующагося моимъ повелѣніямъ, шрепещущаго опъ сердшаго взора моего, увидѣла, что вмѣсто продажи души своей господину своему, силою смѣлости сдѣлала его своимъ невольникомъ.,,

„Что ты сдѣлала, безразсудная Матильда? — ты вѣчно погибла. Ты промѣняла за нѣсколько минутъ владычества своего вѣчное блаженство. Еслили ты мнѣ хочешь для удовлетворенія страсти моей пособить однимъ волшебствомъ своимъ, то я гнушаюсь твоими услугами, коихъ послѣдствія столь ужасны. — Я обожаю Антонію, но я еще не столь ослѣпился своею страстію, чтобъ посвятить ей свое щастіе какъ въ семъ мірѣ, такъ и въ будущемъ. „

„Какія смѣшныя предразсужденія? — Стыдись, Гиларій; красный поработивъ себя онымъ. Скажи мнѣ, чего страшишься ты, принимая услуги мои? Не уже ли не видишь, что токмо одно собственное побужденіе отваживаетъ меня на сіе дѣйствіе? И еслили тунъ будетъ опасность какая либо, то сія опасность одну токмо меня постигнетъ, по тому, что я вызову духовъ начальника, а слѣдовательно я одна и буду въ томъ пресшупленіи, котораго плодъ ты собираешь будешь. — Но шамъ нѣтъ и тѣни

опасности, врагъ рода человѣческаго мой невольникъ — да! увѣряю тебя, мой невольникъ, а не господинъ. Не уже ли нѣтъ никакого различія между предписываніемъ законовъ и — порабощеніемъ онымъ, между исполненіемъ и повелѣніемъ? — Выдь, Гиларій, изъ глубокаго своего размышленія, разгони сіи ужасы, копорые весьма неприличны такой душѣ, какова швоя; оставь ихъ черни, народу подлому и — дерзай быть щасливымъ. — Пойдемъ въ сей вечеръ въ Сент-Клерскія пещеры, будь свидѣтелемъ моихъ волхвованій и — Антонія будешь швоею. ,,

„Я не могу, я не хочу получитьъ ее подобными средствами. Перестань спужать мнѣ, я не смѣю употреблять адскаго начальника. ,,

„Ты не смѣешь? ахъ, какъ я обманулась въ тебѣ! Сія душа, копорую я почитала столь швердою, столь высокою отъ низкихъ заблужденій, на опышѣ, гораздо слабѣе души женщины. ,,

„Какъ? Не уже ли ты хочешь, чтобъ я ввергнулся въ видимую опасность? Чтобъ я опрекся отъ вѣчнаго благополучія, чтобъ я осмѣлился смотрѣть на такое существо, котораго одинъ видъ учинитъ меня слѣпымъ! — Нѣтъ! я не буду имѣть связи съ врагомъ Божескимъ. „

„Но не уже ли ты думаешь быть другомъ Божескимъ? не разорвалъ ли ты съ Нимъ всѣ связи свои, не оставилъ ли ты служенія Ему, не уступилъ ли ты побужденію спрасней своихъ? — Не расположился ли ты погубить, разплишь невинность — молодое швореніе, созданное образцомъ Ангеламъ? Отъ когожь тебѣ, кромѣ демоновъ ожидаешь помощи, чтобъ успѣшь въ столь похвальномъ намѣреніи? Не уже ли ты надѣешься, что Серафимы низойдутъ на помощь твою, что они препроводятъ Антонію въ объятія свои, и почиая себя своимъ начальникомъ, посвящая ее своимъ непогрѣбнымъ удовольствіямъ? Но нѣтъ! — я чишаю

въ душѣ твоей, Гиларій, что не преступленіе, но наказаніе смущаетъ тебя, что не почтеніе къ Божеству, но страхъ Его мщенія удерживаетъ тебя отъ сего? — Ты оскорбляешь Его вшайнѣ безъ смущенія; а пренебрежешь отъ мысли объявить себя врагомъ его. — Какое поношеніе существу малодушному, не имѣющему смѣлости быть или другомъ твердымъ или явнымъ непріателемъ!

„Еслили токмо это значить малодушіе, чтобъ чувствовать ужасъ преступления, то Манильда, я еще щеславолюсь симъ малодушіемъ, хотя бы справи и могли совратить меня съ праваго пути; однакожь я не меньше чувствую въ сердцѣ своемъ вражденной любви къ добродѣтели. — Но пристало ли тебѣ воспоминашь мнимое преступленіе, тебѣ, которая была первою моею соблазнительницею, тебѣ, которая возбуждала умерщвленные пороки мои, тебѣ, которая дала мнѣ почувствовать всю тяжесть священныхъ оковъ, тебѣ, ко-

порая заставила меня думать, что и порокъ имѣешь свои удовольствія? Правда мои успунили силъ темперамента; но — я трепещу еще, слава Богу, отъ одной мысли прибѣгнуть къ чародѣйству. Я еще не столь слабъ, чтобъ ввергнуться въ столь страшное и непрощительное преступленіе. „

„Непрощительное, ты говоришь? непрощительное! а ты во вся дни прославляешь безконечную благость Вышняго Существа? давно ли Богъ сталъ ограниченъ? Не съ радостію ли онъ воспринимаетъ кающагося? Ты преступилъ предъ Нимъ, Гиларій; но ты имѣешь всегда время къ раскаянію Онъ по милосердію Своему проститъ тебя. — Въ тебѣ - то будетъ славно Его милосердіе! чѣмъ больше будетъ твое преступленіе — тѣмъ болѣе оно будетъ достойно щедротъ Его; изжени убо сіи ребяческія излишности, ищи своего щастія и слѣдуй за мною въ пещеры. „

„Молчи ! — эшотъ иронической шонъ, эшотъ безбожной и дерзновенной языкъ — гнусенъ въ устахъ каждаго; а особливо въ устахъ женщины! Оставимъ разговоръ ; онъ возбуждаетъ во мнѣ шокмо мерзость и отвращеніе — я не хочу ни послѣдовать тебѣ, ни принимашъ услугъ отъ служащаго тебѣ ада. Антонія будетъ моя, но я ее достану людскими средспвами.

„Такъ знай же, что ты никогда не получишь ее. Ты изжененъ изъ дому ихъ. — Мать ея бдитъ надъ ея поступками, а особливо въ разсужденіи тебѣ. Я еще скажу болѣе, Антонія любитъ другаго; молодой, опличныхъ качествъ человекъ, обладаетъ сердцемъ ея, и есѣли ты не возпрепятствуешь въ томъ, то она весьма скоро будетъ его супругою; невидимые служители, къ которымъ я прибѣгла, увидѣвъ швое холонокровіе, опкрыли мнѣ это и — я помощію сего талисмана не теряла тебѣ изъ виду ни на одну минушу. „

При сихъ словахъ она вынула изъ-подъ плашья спальное зеркало, коего края были покрыты странными и неизвѣсными карактерами. Сіе зеркало, продолжала она, вспомоществовало мнѣ сносить горести и мученія, причиняемыя швоимъ холонокровіемъ. Смотри въ него, произнесши нѣкоторыя слова, въ немъ можно увидѣшь желаемую особу; такимъ-то образомъ, Гиларій, ты хопя и лишилъ меня своего присутствія, но ты всегда былъ предъ глазами моими. „

Любопытство Настоятеля при семъ случаѣ весьма подспрекнулось. —

„Это невѣроятно! — не играешь ли ты моимъ легковѣріемъ? „

„Попытайся самъ, естли не вѣришь. —

Взявъ въ руки зеркало, онъ пожелалъ увидѣшь, какъ легко можно подумашъ, Антонію. Машильда произнесла нѣсколько магическихъ словъ и — въ

пожѣ мгновеніе густый дымъ, воздымаясь отъ изображенныхъ на краяхъ зеркала лишперѣ, разлился по поверхности его. Дымъ часъ отъ часу исчезалъ непримѣтно и разбросанная смѣсь цвѣтовъ и лицъ, сближаясь мало по малу, представили наконецъ глазамъ его Аншонію въ миниатурѣ. —

Мѣсто сцены былъ маленькій кабинетъ, принадлежащій къ ея горницѣ. Аншонія раздѣвалась, чтобъ измыться. Долгіе локоны волосъ ея волновались. Влюбленный монахъ могъ безпрепятственно видѣть роскошное очертаніе и удивительную правильность во всей ея особѣ, одно тонкое покрывало колебалось на плечахъ ея, грудь ея была полуобнажена. Она приблизилась къ ваннѣ, окунываетъ свою ногу, вода холодна и — она останавливается. Хотя Аншонія не могла подозрѣвать, чтобъ движенія ея были примѣчаемы, но врожденная ея скромность удерживала покрывало на прелестяхъ ея и — и она, оставшись въ нерѣшимости на краю

ванны, стояла въ положеніи Венеры Медицисъ. Въ сію минушу ручной ея чижикъ прилетѣлъ къ ней и, увязивъ головку посреди груди, щипалъ носикомъ и билъ ее своими крылушками; щещно Антонія улыбаясь хотѣла освободиться отъ него, она была принуждена употребить для того обѣ свои руки и — покрывало упало къ ногамъ ея.

Гиларій нѣсколько мгновеній насыщался зрѣніемъ симъ, но вскорѣ желанія его превратились въ сумасшествіе. Онъ не могъ болѣе воздерживать ихъ и опустилъ зеркало изъ рукъ своихъ.

„Я уступаю, вскричалъ онъ; — Машильда, я слѣдую тебѣ, дѣлай изъ меня, что тебѣ угодно. „

Машильда не дожидалась повторенія сего согласія, ибо была уже полночь. Она побѣжала въ келью свою и принесши корзинку и садовой ключъ, всегда у ней находящійся, не дала времени Гиларію для размышленія.

„Пойдемъ, сказала она, взявши его за руку, слѣдуй мнѣ, ты самъ увидишь слѣдствія своей рѣшительности.

Сказавъ сіе, повлекла его за собою; прошедши не бывъ видимыми мѣсто погребенія, они достигли подземельной лѣстницы. Свѣтъ луны препроводилъ ихъ до сего мѣста; но здѣсь, по той причинѣ, что Машильда позабыла взять съ собою лампаду, имъ должно было низходить ощупью во мракахъ.

„Ты дрожишь, сказала Машильда своему сотоварищу, котораго она вела за руку, не бойся ничего; мѣсто, гдѣ намъ должно быть, отсюда не далеко.,, — Ниспущившись къ концу лѣстницы, они продолжали путь возлѣ стѣнъ. При поворотѣ одной изъ сихъ дорогъ, въ отдаленности мелькнулъ слабой свѣтъ; они пошли на него прямо. Сей свѣтъ производилъ отъ маленькой гробовой лампы, которую монахини возжигаютъ передъ статуею Сенкт-Клеры. Тщешно сія лампада бросала печальный и мрач-

ный свѣтъ на толстыя колонны, поддерживающія сводъ сего мѣста; онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобъ разсѣять густой мракъ пещеръ сихъ.

Машильда, взявъ лампаду, подожди меня, сказала ему, нѣсколько минутъ; я скоро возвращусь. —

При сихъ словахъ она вступаетъ на одну дорожку, излучисто простирающуюся отъ сего мѣста, и составляющую родъ нѣкотораго Лабиринта, оставивъ Гиларія одного, окруженнаго глубочайшимъ мракомъ; здѣсь страхи его начали возобновляться. Рѣшительною минутою была минута его сумасшествія. Прежде входа въ пещеры, спыдясь обнаружилъ при Машильдѣ свои ужасы, онъ спарался припворяться; но теперь они возпріяли всю власть свою надъ нимъ, онъ препепалъ, воображая ту сцену, которой онъ скоро будетъ свидѣтелемъ. — Въ самой вещи, какого впечатлѣнія не сдѣлаютъ на душу сіи ужасныя шайнства! Но не въ его ли

власти было уничтожилъ разрывъ свой съ небомъ? . . . Просилъ предстательства Божіяго онъ не дерзалъ; — онъ чувствовалъ, сколь мало на сіе имѣетъ права -- Возвращишься въ монастырь? сіе онъ могъ бы сдѣлать не размышляя, но опчаявался найти дорогу и такъ — жребій его рѣшился. — Не нашедъ никакого средства избѣжать опшолъ, онъ подавлялъ страхи свои и призывалъ на помощь свою все то, что шокмо могло одушевить бодрость его. — Онъ льстилъ себя, что Антонія будетъ наградою его опважности, — пробѣгалъ воображеніемъ сокровеннѣйшія ея прелести, -- увѣрялъ себя по словамъ Машильды, что онъ еще будетъ имѣть время на покаяніе, что онъ прибѣгаетъ къ помощи Машильды, а не къ демону, что прѣступленія волшебства не будутъ за душею его. --- Все читанное имъ въ разсужденіи сего пункта увѣряло его, что связь между человекомъ и адомъ можетъ сдѣлаться шокмо чрезъ формальной актъ; почему онъ и рѣшился никогда не давать подобной росписки, какія

бы угрозы употреблены ни были, какія бы выгоды были ни предложены. ---

Такія-то размышленія занимали его. Между тѣмъ какъ онъ дожидался возвращенія Машильды, вдругъ они были прерваны жалобнымъ ропотомъ, выходящимъ изъ нѣкотораго отдаленія. Онъ приклонилъ ухо свое, но болѣе уже ничего не слышалъ. --- Спустя минуточку тотъ же ропотъ возобновился, онъ былъ подобенъ слабому, продолжаемому спенанію спраждающаго.

Во всякомъ другомъ положеніи, сія особенность возбудила бы его вниманіе и подспрекнула бы любопытство его; но въ сію минуточку одинъ ужасъ объялъ его, воображеніе его столь было наполнено мрачными и ужасными мыслями, что онъ не сомнѣвался, чшобъ сей голосъ не былъ голосъ души спраждающей, летающей окрестъ и его, или можетъ быть и самой Машильды, которая, ставъ жертвою своего киченія, издыхала въ кошняхъ демонскихъ. Шумъ, казалось, приближался,

но шокмо прерывчиво; иногда онъ слышалъ его явственна, безъ сомнѣнiя по мѣрѣ жестокости и нестерпимости мученiй страдающаго; даже онъ по-временно могъ различать нѣкоторыя поны. Между прочимъ онъ услышалъ явственна; „Боже мой, Господи, нѣтъ надежды --- нѣтъ помощника! --- Сiя слова сопровождаемы были глубочайшими сненанiями, нечувствительна умяляющимися и --- совершенно исчезающими.

„Что это значитъ? -- Сказалъ Гиларiй въ величайшемъ волненiи. Въ сiю минушу воображенiе, поражая подобно молнiи духъ его, наполнило чувства его ужасомъ.

„Возможно ли? вскричалъ онъ въдыхая: шакъ! я не могу сомнѣваться. Эшотъ голосъ --- Ахъ! какое я чудовище! . . .

Онъ клялся было разсѣять сумнѣнiя свои, и исправить свою погрѣшность естлибы уже не было поздно; ибо вско-

рѣ сіи благородныя чувствованія были прерваны возвращеніемъ Машильды и -- онѣ занялся тогда шокмо опасностью и запушанностью своего положенія. Въ предшествіи лампаднаго свѣта, къ нему приближающагося, Машильда вѣ нѣсколь-ко минутъ очутилась возлѣ него. Одѣяніе ея было длинное, подбитое горноспаями; плащѣ, на коемѣ вышито было золотомѣ великое множество странныхъ характеровѣ, поясѣ изѣ драгоценныхъ камней съ кинжаломѣ, тамо ушверженнымѣ, препоясывалѣ чресла ея. Шея, грудь и руки ея, были обнажены; вѣ рукахѣ ея была золотая палочка, распущенные волосы ея волновались по плечамѣ, глаза ея блистали свѣтомѣ ужащающимѣ; все, вѣ ней возбуждало почтеніе, страхѣ и удивленіе. ---

„Слѣдуй мнѣ, сказала она монаху важнымѣ и торжественнымѣ голосомѣ: все готово! . . .

Слѣдуя ей съ шрепетомѣ по узкимѣ дорожкамѣ, Гиларій на каждой споронѣ

посредствомъ лампы зрѣлъ гробницы, окостененія, и отвращительныя изображенія. Наконецъ они приблизились къ пространной пещерѣ, которой конца и сводовъ тщетно искали взоры его. Бурной вѣтрѣ ревѣлъ надъ главами ихъ, подъ сводами густые и влажные пары доносили хладъ даже до его сердца. Здѣсь-то остановилась Машильда; обратившись къ монаху и увидѣвъ ужасъ его, блѣдность ланитъ и губъ его, не говоря ни слова, дала ему почувствовать упрекъ свой однимъ взоромъ, смѣшаннымъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ. Поставивъ на землѣ лампаду возлѣ корзинки, она дала Гиларію знакъ молчанія и начала мистическіе обряды свои. Очерпивъ около себя одинъ и около его другой кругъ, и взявъ изъ корзинки маленькую скляночку, излила изъ оной нѣсколько капель на землю; по шуму наклонившись, произнесла нѣсколько варварскихъ словъ, и --- вдругъ блѣдное, сѣрное пламя, изпоргшись изъ земли и умножаясь постепенно, распространилось по всей поверхности, исключая мѣстъ въ

круги заключеныхъ, взвилось по сырѣ колоннамъ даже до сводовъ пещеры оной, такъ что все сіе пространнѣйшее строеніе казалось бышь наполненнымъ синимъ, мелькающимъ блескомъ. Сей огонь былъ безъ жара, а чрезвычайной холодъ сего мѣста возрасталъ каждую минуту. Машильда продолжала волхвованія свои, вынимая по временамъ изъ корзинки различные предметы, коихъ сила и имя были Гиларію неизвѣстны; однакожъ между шѣми, копорые онъ могъ узнатьъ, увидѣлъ при человѣческіе пальца копорые она бросила передъ собою въ пламя.

На все сіе Гиларій смотрѣлъ съ безпокойствіемъ и вниманіемъ. — Вдругъ Машильда испускаетъ поразительной крикъ; казалось, она пришла въ нѣкоторой родъ безумія, изшоргала волосы свои, била грудь свою и вынулъ кинжалъ изъ пояса своего, вонзила въ лѣвую руку свою. — Кровь текла въ изобиліи; стоя на краю круга, она старалась,

чтобъ кровь упала за кругъ сей, пламя оставило мѣсто, на которое текла кровь ея, густое облако возникло изъ мѣста окровавленнаго и взвивалось поспешенно къ сводамъ пещеры оной. --- Въ ту минуту ужасный громъ дробясь, повпорился въ подземельныхъ ущелинахъ и --- земля задрожала подъ ногами волшебницы.

Здѣсь-то Гиларій зачалъ раскаяваться въ безразсудной своей отважности. --- Спранность чарованій, приугошворяла его къ чему либо спранному и ужасному; съ препенемъ ожидая появленія адскаго духа, котораго приближеніе было возвѣщено громомъ и землетрясеніемъ, онъ осматривался вокругъ себя, воображая, какимъ спрашнымъ явленіемъ поразится онъ. Холодной потъ разлился по всему тѣлу его, колѣна его подогнулись и --- онъ упалъ, не могши болѣе себя поддерживать.

„Идетъ!“, сказала Машильда, смотря на него видомъ ослабляющимся. ---

Гиларій содрогнулся — но какое было его удивленіе, когда по утишеніи грома, по разсвѣяніи мрачныхъ облаковъ, онъ услышалъ въ воздухѣ сладкую гармонію, когда узрѣлъ явившійся образъ чрезвычайной красоты, представляющій осьмнадцати-лѣшняго юношу. — Лице и всѣ черты его были необыкновеннаго совершенства — онъ былъ нагъ, свѣтлая звѣзда блистала на челѣ его, алые крылушки колебались за плечами его, волосы его были подъ повязкою различныхъ огненныхъ цвѣтовъ, волнующіеся его локоны развѣвались вокругъ головы его и образовали множество фигуръ блистательнѣе драгоцѣнныхъ камней. Руки и пальцы были усыпаны алмазами; въ правой рукѣ онъ держалъ серебряную миршу. Розовыя облака окружали шѣло его, и въ минуту его явленія сладостное благовоніе разлилось по всей пещерѣ.

Удивленный Гиларій въ безмолвіи смотрѣлъ на него; но не смотря на красоту его, онъ зрѣлъ въ глазахъ нѣкое

звѣрское безпокойство, во всѣхъ чертахъ его — тайнственную меланхолію; которая, обнаруживая въ немъ Ангела мраковъ, вдыхала въ монаха тайное содроганіе.

Музыка замолчала, и — Машильда, оборотившись къ духу, говорила съ нимъ на неизвѣстномъ монаху языкѣ — Она, казалось, настояла въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ которыхъ онъ ей противорѣчилъ. Въ продолженіе сихъ разговоровъ духъ часто бросалъ гнѣвные взгляды на трепещущаго Гиларія. Вскорѣ Машильда, казалось, постепенно раздражалась противъ него — высокимъ и повелительнымъ голосомъ, съ мстительными жестами она зачала говорить ему. — Угрозы ея имѣли свое дѣйствіе, духъ упалъ на колѣни и съ почтипительнымъ видомъ вручилъ ей серебряную миршу. Въ минуту полученія оной музыка снова разлилась въ воздухъ, густое облако закрыло явившагося, голубое пламя исчезло и мракъ воцарился снова во всемъ под-

земельѣ. Гиларій все еще былъ въ одномъ положеніи; удивленіе, безпокойство и радость связывали всѣ его способности. Наконецъ глаза его прозрѣли, — онъ увидѣлъ Матильду, одѣтую уже въ монастырское платье, и державшую въ рукахъ серебряную мирту. — Ни одной черты волхвованія не осталось тамъ — и своды пещеры освѣщались однимъ слабымъ свѣтомъ гробничной лампы.

„ Я успѣла! — Сказала Матильда, я успѣла! но съ такою трудностію, какой я совсѣмъ не ожидала! — Люциферъ, котораго я вызвала, хотѣлъ мнѣ не повиноваться и — мнѣ должно было употребить самыя сильнѣйшія волхвованія! Они - то произвели сіе дѣйствіе; но я обязалась, не вызывая уже его болѣе для вспомошествованія тебѣ. Умѣй теперь пользоваться тѣмъ, что я для тебя сдѣлала; мое волшебство не можетъ уже болѣе приносить тебѣ пользы. Впретъ тебѣ не можно надѣяться сверхъ-естественныхъ вспомошествованій; раз-

вѣ шокмо тогда, когда самъ духовъ вызывать будешь и условишься съ ними ; Но этого ты никогда не сдѣлаешь: ты не имѣешь столько швердоспи вѣ духѣ, чшобѣ принудишь ихъ кѣ повиновенію ; а еще того меньше , ты не согласишься заплашить имѣ положенную цѣну , иначе они не будутъ служить тебѣ съ охотою. Но для сего раза, они будутъ вспомоществовать швоимѣ намѣреніямъ. Я тебѣ даю средство получить любовницу; смотри , не спань на мѣль вѣ своемѣ покушеніи; вотъ, возьми волшебную миршу. Когда ты будешь держашь ее вѣ рукѣ — всѣ двери будутъ для тебя отворены , она тебѣ поможетъ вѣ слѣдующую ночь пройти кѣ Антоніи. Дунувъ три раза на сію вѣшьвь, и произнеся имя ея, положи ей оную на ухо — вѣ шожь мгновеніе глубокой сонѣ, который продолжится до самаго дня , отниметъ у ней силу противустоять тебѣ ; такимъ образомъ ты не можешь быть открытъ; а между шѣмъ, когда очарованіе исчезнетъ, Антонія хошя и увидишь, что побѣда со-

вершена надъ ней, но не будетъ знать своего разплителя. И такъ будь щастливъ, любезной Гиларій! — да возможетъ услуга моя увѣрить тебя въ безкорыстїи и чистотѣ моего дружества! — Ночь уже проходитъ, намъ должно возвратиться въ монастырь прежде зари, чтобъ отсутствїе наше не замѣтили.»

Монахъ съ признательностїю, но не говоря ни слова, принялъ талисманъ сей. — Мысли его споль были возмущаемы приключенїемъ прошедшей ночи, что онъ не могъ найти словъ къ возблагодаренїю Машильды. Правда, что въ сію минушу, онъ мало и чувствовалъ великостъ подарка сего. Взявъ лампаду и корзину, Машильда вывела соповарища своего изъ тайнственной пещеры, и — поставивъ факель на прежнемъ мѣстѣ своемъ, продолжала въ темнотѣ путь свой до восхода на мраморную лѣстницу, по которой они взошли при слабомъ разсвѣтѣ гораздо удобнѣе. Прошедши кладбище, она заперла садовыя

двери, обошла монастырь по восточной сторонѣ, и возвратились не ставъ ни-къмъ примѣченными, всякъ въ свою келью.

Здѣсь-то Гиларій почувствовалъ гораздо болѣе спокойствія. Онъ поздравлялъ себя съ щастливою развязкою своего приключенія, и разсуждая о силѣ серебряной мирты, думалъ уже имѣть Антонію во власти своей, воображеніе его представляло ему прелестіи, обнаруженныя волшебнымъ зеркаломъ, и — онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ слѣдующей ночи. —

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

La nuit est close. Le grillon fait entendre son chant monotone et l'homme répare par le repos ses forces épuisées par le travail. Le nouveau Tarquin presse doucement le faisceau de jonc sur lequel repose la chasteté qu'il va insulter.

Cimbelin. (*)

Тщешно Маркизь Де Ласъ Систернасъ употреблялъ всѣ возможныя изысканія ; Агнесса была потеряна. Его опчаяніе столь было жестоко , что онъ впалъ въ жестокою и продол-

(*) Ночь была мрачная. — Человѣкъ вознаграждалъ сномъ изнуренныя прудами силы свои , и однѣ шокмо однозвучныя пѣсни сверчка слышались. -- Новый Тарквинъ допрогивался шихо до связокъ проспника, на коемъ покоилась жертва, копорую намѣревался лишить невинности.

Цимбелинъ.

жипельную болѣзнь, которая препят-
ствовала ему видѣть Эльвиру, такъ
какъ онъ вознамѣрился. --- Сіе не-
радѣніе, котораго она не понимала при-
чины, прогало ее чувствительно. Ло-
рензо, занявшись смертію сестры, не
могъ извѣстить дядю своего о намѣ-
реніяхъ своихъ въ разсужденіи Анто-
ніи, а слова. Эльвиры, не позволяли
ему видѣться съ нею безъ Герцогска-
го согласія. Эльвира, не слышавъ бо-
лѣе о его предложеніяхъ, заключила,
что онъ или нашелъ выгиднѣйшій союзъ,
или что ему запрещено помышлять о
ея дочери; -- безпокойства ея въ разсуж-
деніи Антоніи каждой день возрастали.
--- Въ то время, когда пользовалась по-
кровительствомъ настоятеля, она еще
со швердосію зрѣла худую развязку
надеждъ своихъ, опносительно къ Ло-
рензу и Маркизу; но вскорѣ и сей помощи
лишилась. Она была заподлинно увѣрена,
что Гиларій умыслилъ на погубленіе ея
дочери и --- воображая, что смерть ея
оставитъ Антонію въ развращенномъ и
подломъ свѣтѣ безъ друзей, безъ защи-

ты, сердце ея наполнялось страхомъ и огорченіемъ. Занимаясь тайными размышленіями, сидя въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, не спуская глазъ съ милой дочери своей, она, казалось, шокмо слушала невинную боллушку свою; но мысли ея были исполнены горестями, воображая, что одна минуша можетъ погрузить ее въ бездну несчастій; съ изступленіемъ обвивъ руками своими, прижимала ее къ сердцу своему, орошая ее слезами своими.

Одно приключеніе, которое, естлибъ она знала его, прекратило бы ея безпокойства. — Лорензо ожидалъ шокмо случая, чтобъ объясниться съ Герцогомъ о своихъ намѣреніяхъ въ разсужденіи женитьбы; одно шокмо обстоятельство, случившееся при сей эпохѣ принудило его опложить на нѣсколько дней сіе объясненіе.

Болѣзнь Донъ Раймонда, казалось, должна бытъ продолжительною. --- Лорензо неоплучно былъ возлѣ постели его, старался о немъ со всѣмъ брашскимъ дружествомъ. Болѣзнь,

такъ какъ и причина оной равно прогали брата Агнессина, Теодоръ не меньше былъ тѣмъ опечаленъ ; сей любезной, молодой человекъ не оставялъ ни на одну минуточку господина своего, упопреблялъ все, чтобъ токмо усладить скорби его. Маркизь столь спраспно влюбился въ несчастную Агнессу, что всякой опчаявался въ жизни его. Одно токмо то препятствовало ему предаваться всей своей горести, что Агнесса жила еще , и что она имѣетъ въ немъ нужду ; по сему - то окружающае его, хоша были увѣрены въ пропивномъ , но изъ жалости поддерживали его въ такомъ мнѣніи, которое для него было единственнымъ утѣшеніемъ. Всякой день увѣряли его, что дѣлающъ въ разсужденіи жребія Агнессы новыя изысканія, изобрѣтали повѣсти о различныхъ покушеніяхъ, чтобъ проникнуть въ монастырь ; доносили ему обстоятельство, копорыя не обѣщая положительно опысканія ея, по крайней мѣрѣ пишали надежду его. Маркизь всегда предавался ужасной ярости, ког-

да внималъ худымъ успѣхамъ подложныхъ сихъ усилій. Но не думая, чѣмъ другіе имѣли подобнуюжъ участь, воображалъ, что нѣкоторые будутъ поменѣе несчастны въ опысканіи.

Теодоръ безпрестанно старался осуществовлять химеры господина своего, онъ безпрестанно занимался новыми планами войти въ монастырь или вызнать отъ монахинь какія либо новости объ Агнессѣ и --- сей-то предметъ удерживалъ его при Донъ Раймондѣ. — Такъ какъ новой Прошей, онъ всякой день перемѣнялъ формы — но всѣ сіи превращенія весьма мало имѣли успѣха: онъ всегда приходилъ въ покой къ дѣлать Сиспернасу безъ всякихъ извѣстій, копорыя бы могли утвердить надежды его господина. Въ одинъ день онъ вздумалъ переодѣться нищимъ, съ плаштыремъ на лѣвомъ глазу; взявъ съ собою гитару, остановился у воротъ монастырскихъ.

Естьли Агнесса дѣйствительно заперта здѣсь, говорилъ онъ самъ себѣ, то она, услышавъ мой голосъ и узнавъ

его, найдеть можетъ быть средство меня о себѣ увѣдомить.

Съ сими мыслями онъ вмѣшался въ толпу нищихъ, которые всякой день обступали Сенш - Клерскія ворота для полученія пищи, обыкновенно въ полдень раздаваемой монахинями.

Всякой нищій имѣлъ съ собою чашу для раздаваемой пищи; но Теодоръ, не имѣя никакой, просилъ, чтобъ позволили ему сѣсть свою чашъ при вратахъ монастырскихъ; ему не отказали: приятной его голосъ и красивое расположение лица — не взирая на широкой его пласпырь, выиграло расположение добренькой спарушки — разнощицы, которая, будучи помоществуема привратницею, раздѣляла бѣднымъ доли ихъ. Теодору вѣрно было подождать до тѣхъ поръ; пока прочіе разойдутся, и тогда-то уже обѣщано ему удовлетворить его прошенію. — Молодой человекъ лучшаго и не желалъ, потому что онъ не для пищи просился въ монастырь сей. Поблагодаривъ разнощицу и удалившись отъ воротъ, забавлялся настроиваніемъ

гитары, между шѣмъ, какъ раздавали пищу. —

Какъ скоро толпа разсѣялась, Теодоръ былъ призванъ къ воротамъ и приглашенъ войти въ самой монастырь. Онъ повиновался сему съ величайшимъ удовольствіемъ, но оказывалъ глубочайшее почтеніе, идучи въ сіе почтенное уединеніе, и припворился весьма робкимъ въ присутствіи честныхъ матерей. Припворное его замѣшательство безпримѣрно льстило щеславію монахинь, ободряющихъ его. Разнощица ввела его въ келью свою, между шѣмъ какъ привратница пошла на кухню, откуда она пришла съ двойною долею супа, гораздо лучшаго, даваемого другимъ нищимъ; разнощица присокупила къ тому нѣсколько плодовъ и закусокъ и — какъ друга отъ добраго сердца побуждали его кушать. Теодоръ отвѣчалъ на все сіе изъясненіемъ живѣйшей своей признапельности и осыпалъ благопворительницъ своихъ благословеніями. Между шѣмъ, какъ онъ ѣлъ, монахини удивлялись нѣжности

чертъ его, красотъ волосъ и пріятности его лица. Тихо одна другой говорили онъ и досадовали, что столь милой человѣкъ подверженъ соблазнамъ міра, заключаали, что онъ легко можетъ сдѣлаться столпомъ святой церкви и ---- окончили шѣмъ, что они сдѣлаютъ великое дѣло, упросивъ настоятельницу въ шомъ, чтобъ она постаралась склонить Гиларіа, принять молодого нищаго въ санъ Доминиканской.

Послѣ сей рѣшительности разнощица, имѣющая великую въ монастырѣ довѣренность, побѣжала въ келью Игуменьи и описала молодого человѣка столь хорошими красками, что старушка пожелала видѣть его и --- разнощица приказано было ввести его въ Парлоаръ. Между шѣмъ подложный нищій вывѣдывалъ у привратницы о Агнессѣ и --- увѣренія ея подтверждали слова Игуменьи. По словамъ ея, Агнесса, возвращаясь съ исповѣди, впала въ болѣзнь и съ сей минуты не вставала съ постели, что сама она погребала ее

сама зрѣла трупъ ея, и собственными руками положила ее во гробъ. Сіе повѣствованіе опечалило Теодора; но зашедши столь далеко въ своемъ приключеніи, онъ рѣшился продолжать его.

Вскорѣ пришедшая разнощица приказала ему слѣдовать за собою и препроводила его въ Парлоаръ передъ решотку, за которою Игуменья уже сидѣла, будучи окружена нѣкоторыми монахинями, пришедшими съ нею --- посмотрѣть сцены, забаву имъ обѣщающей. Теодоръ поклонился съ почтеніемъ и --- его присутствіе развѣяло нѣсколько суровый видъ Игуменьи. Она спрашивала его о родственникахъ, о его религіи, о причинахъ, низвергнувшихъ его въ убожество и -- его отвѣты были удовлетворительны; но ни одного не было справедливаго. -- Спрашивали у него мнѣнія о монашеской жизни и --- онъ оказалъ къ сему состоянію величайшее почтеніе и особенное уваженіе. По сему, сказала Игуменья, можетъ быть будетъ и можно тебѣ вступить въ санъ иноческой, и что съ ея одобреніемъ онъ

выдетъ изъ своего убожества, и что впредь онъ можетъ полагаться на ея покровительство, естли онъ токмо заслужитъ сіе своимъ поведеніемъ. Теодоръ увѣрялъ ее, что онъ не имѣетъ еще столько честолюбія, чтобъ быть достойнымъ ея милостей. Послѣ сего Игуменя, приказавъ ему придти на завтра, вышла изъ Парлоара.

Тогда - то уже монахини, въ числѣ которыхъ шщетно искалъ Теодоръ Агнессы (ее тамо не было) тогда - то уже, говорю, монахини, которымъ почтеніе къ настоятельница заграждало уста въ ея присутствіи, бросились къ решеткѣ и осыпали молодого человека вопросами, которые были столько скоры, что почти не возможно было и отвѣчать на оныя. --- Иная спрашивала его, гдѣ онъ родился, по тому, что нарѣчіе его даказывало, что онъ чужеземецъ; другая вопрошала, почему онъ носитъ на лѣвомъ глазѣ пластырь. -- Мать Елена любопытствовала у него, имѣетъ ли онъ сеспру, и что она весьма бы рада была имѣть такую компаньенку, кото-

рая была бы на него похожа. Мать Раналь была увѣрена, что братъ гораздо милѣе, нежели сестра. Теодоръ рассказывалъ легковѣрнымъ иночкамъ всякія бредни, какія шокмо могли приходиться ему въ голову; рассказывая свои приключенія, говорилъ о великанахъ, имъ видѣнныхъ, о чудесной странѣ въ которой онъ жилъ; что будучи рожденъ въ неизвѣстной землѣ, онъ былъ воспитанъ въ университетѣ Готтештошовъ и прожилъ два года между Силезскими Американцами.

„Чтожъ касается до потери моего глаза, сказалъ онъ --- то это праведное наказаніе за непочтеніе къ св. Розалии во второмъ моемъ путешествіи въ Теле, о; я былъ возлѣ самага жершвенника въ чудотворномъ храмѣ, монахи облачали святое изображеніе въ драгоценныя свои плашья. Въ продолженіе сей церемоніи Пилигримамъ было приказано закрыть глаза; но я --- при всемъ своемъ благочестіи, не могъ сопротивляться любопытству своему, --- въ ту самую минуту Ахъ! преподобныя матери!

я наполню сердце ваше омерзѣніемъ, рассказывая свое приключеніе, — въ ту самую минушу, когда монахи перемѣняли срачицу свяшой --- я дерзнулъ открыть лѣвый глазъ свой и --- бросить тапской взоръ на спашую ея и --- этотъ взоръ былъ послѣднимъ въ жизни моей. -- Слава, окружающая изображеніе, споль была блистательна, что я не могъ сносить сіянiя — я скоро закрылъ свяшопашественный глазъ свой и --- никогда уже не могъ открыть его.,,

При повѣствованіи чуда сего монахини перекрестились и обѣщались молитъ Свяшую о возвращеніи употребленiя глаза его, удивлялись множеству его путешествiй въ молодыхъ лѣтахъ и --- странности его приключенiй въ споль нѣжномъ возрастѣ; наконецъ, увидѣвъ у него гитару онѣ спрашивали его, хорошо ли онѣ играетъ на ней; онѣ отвѣчалъ съ скромностію, что самъ не можетъ цѣнить достоинствъ своихъ, и просилъ ихъ послушать и потомъ судить его; на сіе всѣ согласились съ радостію.

„Но ты, сказала старая разнощица, не спой намъ чего либо непристойнаго!

„Вы можете положиться на мою скронность, отвѣчалъ Теодоръ: вы услышите въ повѣсти одной дѣвицы, влюбившейся въ неизвѣстнаго ей кавалера, сколь пагубно молодымъ людямъ предаваться страстямъ своимъ.

„Но справедлива ли повѣсть сія, спросила разнощица?

„По преданіямъ, она случилась въ Даніи и героиня оной была столь прекрасна, что она слыла подъ именемъ *миллой дѣвушки*.

Теодоръ настроилъ свой инструментъ. Читавъ исторію Рихарда, короля Англинскаго, Менестреломъ найденнаго въ заключеніи - - - - - ласкался получить такой же успѣхъ и въ разсужденіи Агнессы. Онъ выбралъ такую балладу, которой она сама научила его въ Линденбергскомъ замкѣ, въ той надеждѣ, что она, услышавъ голосъ его, будетъ отвѣчать его пѣнію.

Настроивъ гитару, онъ вознамѣрился предрасположить ихъ къ своей повѣ-

спи, играя нѣскольکو минутъ прелюдію; по томъ, давъ всю волю высокому голосу своему, чтобъ быть услышану Агнессою, запѣлъ слѣдующій романсъ.

Водяной Царь.

Кто не зналъ во странѣ сей печальную смерть Анаисы? Среди камыша густаго водный царь узрѣлъ бѣлокурую Анаису; она прохаживалась по берегамъ, разпещреннымъ цвѣтами и — здѣсь-то плѣнила она царя воднаго.

Но любовь не могла смягчить склоннаго къ злоспи сердца его. Призвавъ на помощь могущество своей матери, преобразуетъ онъ легкіе пары воздушные въ гордаго коня бѣлаго, и садится на него.

Приблизившись къ Анаисѣ, рвущей цвѣты, „юная красавица, ты уснула, сказалъ онъ ей: Небо грозитъ намъ

бурею; сядь на моего коня бѣлаго; онъ унесетъ насъ отъ погоды дождливья.,,

Анаиса отвѣчала: „не могу отвергнуть прозьбъ кавалера, споль учпиваго, предаюсь швоей честности. — Въ мигъ хватаетъ онъ ее, сажаетъ возлѣ себя и — конь мчитъ ихъ подобно молніи.

„Ахъ! государь, онъ очень прыжокъ.,, — „Довольно скоро отвѣчаетъ онъ.,, — Вдругъ источникъ пресѣкаетъ путь ихъ; но быспрый конь бросается спремительно вплавь, и испуганная Анаиса щещтно наполняетъ воздухъ своими воплями.

Сіи крики производятъ одинъ смѣхъ въ ея сопутникъ. — Между тѣмъ обманчивый источникъ, посшепенно разширяясь, прешворяется въ рѣку широкую, и ноги ушрашенной Анаисы омочаются уже въ водахъ ея.

„Увы! государь, гдѣ мы? вода достигла коленъ моихъ. — „Не бойся., Я не спашусь; но о небо! — смотрите, какъ ярыя волны возвышаются; они уже омочаютъ руки мои. — Что будетъ со мною? „ Вѣроломный только смѣялся ея жалобамъ.

„О боги! — конь уже исчезъ, и я — увы! — я погибаю. — Спасите! — помогите! „ Чудовище ввергаетъ ее въ бездну водную, и самъ скрывается во глубинѣ ея, веселясь успѣхомъ злобнаго своего предпріяшя.,,

О вы, дѣвицы юныя! несчастіе Анаисы да научитъ васъ быть осторожными. Анаиса погибла отъ измѣнника, учинившись слѣпой довѣренности жертвою. Но есть прельстители опаснѣйшіе, и вамъ должно блюстися ихъ.,,

Молодой человекъ пересталъ пѣть и — монахини, ставъ имъ обольщены, хвалили пріяшность голоса и искусную

игру его; но сколькобъ въ другомъ случаѣ похвалы сіи могли быть лестны для него, столькожъ онъ теперь скучалъ ими; ибо хитроспши его не имѣли успѣха; тщетно останавливаясь онъ при каждой строфѣ, никакой голосъ не соотвѣтствовалъ его голосу, и — онъ совершенно лишился надежды быть столь щастливымъ, какъ и Блондела. —

Монастырской колоколъ извѣщалъ монахинь о времени, идти за прапезу. Принуждены будучи оставить рѣшешку, онъ благодарили его за принесенное имъ пѣсню его удовольствіе, принудили его обѣщаться имъ паки съ ними видѣться назавтрѣ въ Парлоартѣ; а чшобъ болѣе убѣдить его сдержашъ слово свое, онъ говорили ему, что онъ въ разсужденіи пищи можешъ положишся на монастырскія благопворенія. Каждая изъ нихъ сдѣлала ему маленькой подарочекъ: одна подарила его ларчикомъ съ бездѣлушками, другая дала ему просфору, иная подарила ему образки, маленькія распятія, другія отдали ему свои рукодѣлія, какъ то: золо-

шья вышивки; леншы и цвѣшы. Они совѣщавали ему продать все оное для доставленія себѣ денегъ, присовокупляя, что онъ удобно это можетъ сбыть съ рукъ, по тому что Испанцы за великоцвѣншя рукодѣлія монахинь. Осыпанный дарами, съ изъявленіемъ почтенія и признашельности, онъ далъ имъ замѣшить, что не имѣя корзинки, ему не возможно будетъ нести ихъ милоспей. Многія изъ монахинь собрались было бѣжашъ и промыслишъ ему оную, какъ возвращеніе одной пожилой женщины, которую прежде Теодоръ и не замѣшилъ, удержало ихъ отъ сего предпріяшя; пріяшной окладъ лица ея, и почтенный видъ, вдругъ выиграли его благорасположеніе.

„Ахъ! вошъ машъ Сенъ-Урсулія уже и съ корзинкою, сказала разнощица.

Монахиня приближилась къ рѣшепкъ и — предложила ему корзинку свою, отпороченную голубымъ апласомъ, на чешырехъ углахъ коей изображались различниыя виды изъ жишя Сент-Женевьевы.

„Вотъ и мой подарокъ! не возгнушайся имъ, молодой человекъ, онъ мало стоитъ, но въ сущности его много скрывается, сказала она и сопровождала слова сіи выразительнымъ взглядомъ, не скрывшимся отъ примѣчательнаго Теодора. Подавая корзинку она приблизилась къ решеткѣ сколько можно было ближе.

„Агнесса!“, сказала она, впрочемъ столько тихо, что онъ самъ едва могъ услышать; но понявъ ее, онъ заключалъ, что въ корзинкѣ должна сокрываться какая либо шайна; сердце его уже билось отъ удовольствія и неперпѣнія. Въ сію минуту съ недовольнымъ и спротивимъ видомъ взошла игуменья.

„Сен-Урсулія, мнѣ хочется съ тобою поговорить наединѣ, — сказала она монахинѣ. Сен-Урсулія перемѣнилась въ лицѣ и, казалось, распронилась.

„Со мною? — сказала она прелепещущимъ голосомъ. — „Да, и приказавъ послѣдовать ей, ушла въ сопровожденіи Сен-Урсуліи. Вскорѣ колоколъ

зазвонилъ во второй разъ и — монахи-ни были принуждены оставить решотку.

Нашедъ себя свободнымъ унести добычу свою и восхищаясь тѣмъ, что наконецъ принесетъ новость Маркизу, Теодоръ не бѣжалъ, но летѣлъ въ замокъ Ласъ-Сиспернаса — такъ, что въ нѣсколько минутъ съ корзиною въ рукахъ, онъ уже былъ у кровати господина своего; Лорензо находился шуръ же въ комнатѣ и занимался утѣшеніемъ друга своего въ такомъ несчастіи, которое и для него было несносно. Здѣсь Теодоръ рассказалъ имъ приключеніе свое и далъ имъ почувствовать надежду изъ подарка Сен-Урсуліи. Маркизъ поднялся — шуръ огонь, который по смерти Агнессы казался уже совершенно потухшимъ, начиналъ одушевляться, надежда заблестала въ глазахъ его. Лорензо не меньше былъ тронутъ — онъ ожидалъ съ неизъяснимымъ удовольствіемъ развязки тайны этой. Взявши корзинку изъ рукъ пажа своего, Раймондъ выпорожнилъ все въ ней содержащееся на по-

стелю свою и пересмапривалъ оное съ величайшимъ вниманіемъ --- воображая найти письмо на днѣ оной; но ничего не бывало, --- пересмапривалъ снова и остался безуспѣшнымъ; --- и конецъ примѣшивъ, что одинъ уголь апласной обшивки былъ нѣсколько раздуть, съ живостію оподралъ оную и нашелъ на низу маленькой лоскутокъ развернутой и незапечатанной бумаги, надписанной *Маркизу Ласъ-Систернасу* и содержащей слѣдующее.

„Узнавши вашего пажа, я осмѣлилась послать къ вамъ сію записочку, --- постарайтесь выходить повелѣніе, остановить какъ меня, такъ и Игуменью; но смоприте, не прежде оное выполняйте, какъ въ полночь слѣдующей пятницы; ибо этошъ день есть день празднества Сент-Клеры. Монахини будутъ съ факелами въ процессіи, между ними буду и я; — наиболее старайтесь, о томъ, чтобъ никто не узналъ вашего предпріятія; — а естли вы скажете, хотя одно слово, могущее возбудить подозрѣніе Игуменьи; то вы никогда

„Обо мчѣ не услышите;—будьте рассу-
дительно, есѣли шокмо вамѣ драго-
цѣнна память Агнессы, и есѣли хоши-
те наказать убійцѣ ея. То, что я
вамѣ имѣю сказать, наполнитѣ сердце
ваше ужасомѣ.,,

Сент-Урсулія.

Маркизѣ, не успѣвѣ прочитавѣ пись-
ма, упалѣ безѣ памяти вѣ свою постелю;
надежда, поддерживающая до сего време-
ни жизнь его, исчезла? — по тому что сіи
слова рѣшительно подтверждали смерть
Агнессину; — но Лорензо былѣ меньше
пораженѣ сею вѣдомостію; ибо онѣ уже
давно былѣ увѣренѣ, что сестра его по-
гибла измѣнническимѣ образомѣ. Пись-
мо Сен-Урсуліи, подтверждающее его
подозрѣнія не возбудило вѣ немѣ дру-
гихѣ чувствованій, кромѣ пылаго жела-
нія, наказать убійцу по заслугамѣ —
Ему не такѣ - то было легко привести
вѣ себя Маркиза; потому что какѣ ско-
ро онѣ получилѣ способность говорить,
то изрынулѣ тысячи проклятій на
убійцѣ его любовницы, и клялся произ-
есть надѣ ними ужасное, рѣдкое мще-
внїе свое.

Онъ съ такимъ усиліемъ предался безсильному своему бѣшенству , что слабые члены его, не могши перенести жестокости чувствованій, его возмущающихъ, очень скоро паки повергли его въ прежнюю нечувствительность. — Такое его положеніе хотя чрезмѣрно прогало Лоренза, хотя ему очень не хотѣлось выдти изъ покоевъ друга своего, но другія старанія требовали его присутствія, — ему надлежало исходатайствовать повелѣніе остановить Сент-Клерскую Игуменью. — Такимъ образомъ оставивъ Раймонда въ рукахъ лучшихъ Мадридскихъ врачей, онъ оставилъ и домъ Ласъ Сиспернаса и поспѣшалъ въ кардинальскія, Герцогскія палаты.

Неудовольствіе его возшло на чрезвычайную степень, когда онъ узналъ, что государственный дѣла принудили Кардинала уѣхать въ отдаленную провинцію; а оставалось только пять дней до пятницы; — Однакожъ онъ льстился надеждою, что будучи день и ночь, — можетъ возвратиться въ празднуемой день Сент-Клеры; — а по сему не теряя

ни минушы пуспился въ дорогу, нашелъ Кардинала Герцога, изобразилъ ему живыми красками ужасное пресупленіе Игуменьи — такъ какъ и дѣйствіе на здоровье Маркиза, симъ произведенное. — Онъ не могъ употребить сильнѣйшаго аргумента по тому, что изъ всѣхъ кардинальскихъ племянниковъ, Маркизъ былъ любимъ нѣжнѣйшимъ образомъ и — Игуменья въ глазахъ его не могла учинить большаго пресупленія, приведши въ опасность жизнь милаго ему племянника; — а по сему онъ издалъ повелѣніе безъ замедленія, остановивъ Игуменью, поручивъ при томъ Лорензу письмо къ главному приставу Инквизиціи, въ кошоромъ онъ просилъ его посмотрѣть за исполненіемъ его повелѣнія. Снабженный симъ Медина пуспился въ Мадридъ и прибылъ въ оный въ пяшницу нѣсколькими часами попрежде noci, нашелъ Маркиза въ лучшемъ состояніи, но столь слабымъ и такъ изнуреннымъ, что едва онъ могъ двигашься и говоритъ. — Побывъ около часу возлѣ постели друга своего, Лорензо оставилъ его, чтобы увѣдомить дядю

своего о предпріятіи своемъ и отдашь Кардинальское письмо Донъ Рамицеру де Мелло; первой ужаснулся, услышавъ жребій несчастной своей племянницы, поощрялъ Лоренза наказать убійцъ ея, давши при томъ обѣщаніе сотовариществовать ему въ Сент-Клерской монастырь. — Донъ Рамирецъ обѣщаль ему такъ же употребить всю власть свою, и набралъ надежную шруппу полицейскихъ служителей, чтобъ предупредить всякое сопротивленіе со стороны черни.--

Между тѣмъ, какъ Лорензо занимался сорвать маску съ иноческаго лицемѣрства, — онъ не зналъ совсѣмъ, какую горестъ другой ему приуготовляетъ. Вспомоществуемъ адскими дѣйствователями Матильды, Гиларій рѣшился расплишь невинную Антонію. — Роковой часъ ея приближился. — Пожелавъ добраго вечера матери своей и — обнимая ее, Антонія почувствовала себя объятою нѣкопорымъ родомъ невольнаго препета; такъ что оставивъ мать свою, она ту же минушу прибѣжала къ ней, бросилась въ объятія и омочила щеки ея слезами своими —

она не могла принудить себя оставить ее — тайное предчувствие заставляло ее страшиться вѣчной съ нею разлуки. Эльвира замѣшивъ, пустой страхъ ее старалась обратить въ посмѣяніе сіи ребяческія предразсудки, съ шихосію замѣшила ей, что она предается сей печали безъ всякаго предмета и дала ей почувствовать сколь опасно предаваться подобнымъ идеямъ.

На всѣ сіи замѣчанія она получила одинъ шокмо отвѣтъ ея.

„Маминька, милая маминька! ахъ! дай Богъ, чтобъ ничего не сдѣлалось!„—

Эльвира, которой излеченіе умедлялось отъ безпокойствъ въ разсужденіи своей дочери, почувствовала паки слѣдствія жестокой болѣзни, ее обѣмляющей; будучи въ сей вечеръ гораздо въ худшемъ расположеніи, она легла въ постелю ранѣе обыкновеннаго, съ горестію Антонія вышла изъ комнаты своей матери и до шѣхъ поръ, пока не затворила дверей, она устремляла на нее взоры исполненные изразительной меланхоліи; пришедши въ свой покой, сердце ея было напол-

нено горестію — ей казалось, что вся надежда для нея исчезла, и что ничего болѣе не заключалось для нее въ подсолнечной, что могло бы заставить ее дорожить своимъ существованіемъ; бросившись въ креслы, подперши руками свою голову и устремивъ на паркетъ взоръ свой, нисколько не видя его, дала полную власть печальнымъ мыслямъ своимъ занимать ее воображеніе. Еще она пребывала въ сей нечувствительности, какъ нѣкоторыя тоны сладостной музыки подъ окошками ея, извлекли ее изъ сего положенія; вставъ, она приблизилась къ балкону для лучшаго разслушанія; имѣя лицо закрытое покрываломъ — она позволила себѣ смотрѣть на улицу, гдѣ при свѣтѣ луны увидѣла многихъ людей играющихъ на людинѣ и гитарѣ. Подальше не много, закутавшись въ плащъ стоялъ одинъ, котораго расположеніе плеча и станъ походили на Лоренза; да и въ самой вещи она не обманулась въ своемъ заключеніи; это былъ Лорензо самъ, которой, давъ обѣщаніе, никогда не являясь Антоніи безъ со-

гласія дяди своего, старался время отъ времени показать своей любовницѣ нѣкоторыя серенадами, что привязанность его всегда продолжается; однажъ его предпріятіе не имѣло ожидаемаго имъ дѣйствія. — Антонія весьма была далека отъ того, чтобъ предположить, что она была предметомъ сей ночной музыки; она слишкомъ была скромна, чтобъ почитать себя достойною сихъ особенныхъ вниманій; Антонія заключала, что она относилась къ какой нибудь красавицѣ въ окрестности — и сокрушалась отъ мысли, что сіи серенады производятъ отъ Лоренза. —

Арія, которую играли, была пріятна и печальна; она весьма много согласовалась съ состояніемъ духа Антоніи, слушающей оную съ удовольствіемъ. — По нѣкоторыхъ минушахъ игры Симфоніи, раздалось нѣсколько голосовъ и Антонія удобно различила слѣдующія слова:

Серенада

Тебя, любезнѣйшая Лира!
Зову теперь къ себѣ,
Разлей щаспливые аккорды,
Изобрази нѣжнѣйшу спрась!

Надежда правитъ всѣхъ сердцами,
Даетъ пить горькой ядъ глазами.
Холодность возмущашъ,
Разсудокъ попирашъ,
Манишь надеждой Селадона —
Вотъ власть любезной красоты! . . .
Надъ мной владычествовала ты!
Тебя, любезнѣйшая лира и проч.

Горѣшь красоткою жестокой,
Средь ночи мрачной и глубокой
Покою не имѣшь;
Напрасно только шлѣшь
И скуку съ вздохами глоташъ,
Съ слезами лобызашъ оковы
И получаешь мученья новы —

Вопъ горести твои, любовь!
Почто зажгла мою ты кровь?

Тебя, любезнѣйшая лира и проч.

Зрѣшь милую вблизи себя,
Чишаешь любовь въ глазахъ ея,
Уста соединяешь,
Блаженство, рай вкушаешь,
Вселенну забываешь,
Свою зрѣшь нѣжность награжденну,
Узнаешь всю тайну освященну ---
Любовь! вопъ сладости твои.
Ахъ! освящаются дни мои?

Тебя, любезнѣйшая лира и проч.

Пѣніе перестало, музыканты рассыпались и --- тишина паки разлилась по всей улицѣ. Антонія съ прискорбіемъ оставила балконъ и препоручивъ себя, по обыкновенію, въ покровишельство Святой Розаліи, помолившись бросилась въ постелю.

Недолго сонъ заспавлялъ ее ждатель себя — присутствіе его скоро избавило ее отъ страховъ и отъ всѣхъ безпокойствъ. —

Уже было близъ двухъ часовъ ночи, какъ любоспρασный монахъ пошелъ къ жилищу Антоніи; сказано было выше, что монастырь не очень отдаленъ былъ отъ улицы *Сент-Яго*; по чему онъ и достигъ до него никѣмъ не бывъ примѣченъ; — остановившись тамъ нѣсколько минутъ онъ былъ въ нерѣшимости, онъ размышлялъ о великости преступления, имъ предпринимаемаго, о подлежащей опасности, естли онъ будетъ обнаруженъ, и о увѣренности Эльвириной послѣ происшедшаго, въ разсужденіи его намѣреній на непорочность ея дочери. — Съ другой стороны порокъ представялъ ему, что изъ того произойдетъ одно токмо подозрѣніе, что не будетъ никакого знака его преступления и что не возможно, чтобъ онъ былъ признанъ преступникомъ, по тому что Антонія не будетъ знать, когда, гдѣ и кѣмъ совершено сіе преступленіе. — Опзывъ о немъ, казалось ему, слишкомъ былъ швердъ, чтобъ потрясенъ былъ обвиненіями двухъ неизвѣстныхъ женщинъ. Въ семъ случаѣ онъ весьма много ошибся. Онъ

не зчалъ, сколь непостоянна народная благосклонность, по тому что одной довольно минутой, чтобъ очернить въ глазахъ публики того, кто былъ ея идоломъ. Наконецъ послѣ всѣхъ размышлений, онъ рѣшился успоять въ своемъ предпріятіи — приблизился къ дому, и едва коснулся дверей серебряною миртою, они отворились сами; а по входѣ его заперлись такимъ же образомъ. При свѣтѣ луны онъ всходитъ на лѣстницу — но каждую минутой останавливаясь, — съ трепетомъ и безпокойствомъ озирался окрестъ себя — въ каждой стѣнѣ онъ мнилъ видѣть шпиона своего, малѣйшій шумъ воздуха представляется ему тонами какого либо голоса. Совѣсть дѣлаетъ его пугливѣе женщины; — не взирая на сіе, онъ продолжаетъ путь свой — доходитъ до дверей комнаты Антоніи. — Здѣсь онъ паки останавливается, прислушивается; но ни малѣйшаго шуму не слышитъ тамъ. Сіе совершенное молчаніе увѣряетъ о снѣ жертвы его; по чему онъ и осмѣливается приподнять локетъ; дверь заперта изънутри, она прошивилась его уска-

ліямъ; но едва допрогивається до ней талисманомъ своимъ, какъ замокъ оппирается и открываетъ ему свободной входъ въ ту комнату, гдѣ невинное швореніе почивало съ спокойствіемъ, нимало не сомнѣваясь объ опасности ей предлежавшей. Двери запираются безъ шуму и замокъ самъ собою входитъ въ свое мѣсто.

Тихими шагами Гиларій приближается къ ней, онъ старается, чтобъ даже паркетъ не шелестилъ подъ ногами его — удерживаетъ духъ свой даже до постели ея. Здѣсь-то онъ спѣшитъ выполнить мистическіе обряды, Машильдою ему предписанные, дунувъ три раза на серебряную миршу и произнесши въ то же самое время имя Антоніи, онъ кладетъ ее ей на ухо. Дѣйствіе, имъ отъ Талисмана примѣчанное, не позволяло ему сомнѣваться въ томъ, чтобъ онъ не успѣлъ продлить сонъ жертвы своей. — Окончивъ обряды, онъ считалъ ее уже совершенно во власти своей — нечестливое желаніе бли-

стало въ глазахъ его, — онъ осмѣлился обратишь взоры свои на спящую красавицу: лампада, горѣвшая предъ изображеніемъ Св. Розаліи, издавая въ комнахъ слабой свѣтъ, позволяла ему пересматривать всѣ прелести, подлежащія взорамъ его. — Обезпокоенная жаромъ Антонія, сбросила покрывало съ себя, а дерзновенная рука инока сдираетъ съ нея и то, которое ее еще покрывало; одна рука ее поддерживала голову, а другая лежала съ пріятностью на краю постели ея. Нѣкоторые локоны волосъ ея, изпоргшись изъ-подъ повязки, ихъ содержащей, упали на тихо воздымающуюся въ движеніяхъ спокойнаго дыханія грудь ея. Жаркой воздухъ времени одушевлялъ щеки ея живѣйшими обыкновеннаго красками. — Милая улыбка блуждала на румяныхъ, время отъ времени полуоткрывающихся для вздоха, или для произношенія нѣкоторыхъ словъ, губкахъ ея. Видъ чистоты и невинности повсюду блисталъ у ней. Самая нагота ея имѣла нѣкоторой родъ стыдливости, подспрекающей еще болѣе сладострасшныя монашескія желанія.

Нѣсколько минутъ пожиралъ онъ глазами своими прелести, долженствующія скоро быть добычею необузданной спраси его; — полуотверсшыя уста Антоніи, казалось, привлекали къ себѣ поцѣлуи. Наклонившись на нее, онъ соединилъ губы свои съ устами ея и вдыхалъ въ себя съ восхищеніемъ ароматическое ея дыханіе. Сіе преднаслажденіе удовольствія шокмо подспрекало его жаръ къ живѣйшимъ наслажденіямъ. Сладоспрасное его желаніе наконецъ уподобилось скопскимъ неукропимымъ желаніямъ. — Рѣшившись не пропускать ни одной минушы своего удовольствія, онъ спѣшилъ сбросить одѣяніе, ему преляпствующее.

„Великій Боже! воскликнулъ голосъ позади его, не обманулась ли я? Не привидѣніе ли это? — „

Спрахъ, удивленіе, и замѣшательство поразили вдругъ Гиларія при услышаніи словъ сихъ. — Обращившись къ гласу, сіе произносящему, онъ увидѣлъ Эльвиру, стоявшую у самыхъ дверей ко-

мнаты, и взирающую на него съ ужасомъ и омерзѣніемъ.

Ужасный сонъ представилъ ей Антонію близъ пропасти, — она зрѣла ее шрепещущую и готовую шуда низвергнуться, она слышала крики ея: „избавь меня, маминька, избавь меня. Еще минуша — уже будетъ поздно,, Успрашенная Эльвира пробудилась. Привидѣніе сіе столь сильное на нее сдѣлало впечатлѣніе, что она не могла рѣшиться заснуть безъ того, чтобъ не увѣрилась о спокойствіи Антоніи. — Вспавъ съ своей постели, накинувъ на себя плашье и прошедъ кабинетомъ, въ кошромъ спала горничная ея женщина, она взошла въ комнату Антоніи, — чтобъ исхищить ее изъ рукъ обольстителя.

Съ одной стороны спыдъ, а съ другой удивленіе, казалось, преврапили въ спашуи и монаха и Эльвиру. — Они сморѣли другъ на друга въ молчаніи, кошорое Эльвира прервала первая.

„Нѣтъ, это не сонъ, сказала она наконецъ, это подлинно Гиларій! — это того я вижу близъ постели несчастной

моей дочери, коего весь Мадридъ за святаго почитаетъ. Лицемерное чудовище! я давно подозрѣвала твои намѣренія; — но изъ сожалѣнія къ слабости человеческой я снисходила и не обвиняла тебя. — Но нынѣ—нынѣ молчаніе мое будетъ мнѣ преступленіемъ. Весь городъ узнаетъ о твоей невоздержности, я сорву съ тебя маску, несчастный, и покажу церкви змѣя, коего она питаетъ въ собственномъ лонѣ своемъ.,,

Блѣденъ, смущенъ и виновенъ, Гиларій оставался передъ нею безгласнымъ и прелепущимъ. --- Ему чрезмѣрно хотѣлось сыскать какое либо оправданіе, но состояніе его препятствовало ему въ ономъ.-- Онъ шокмо произносилъ нѣкоторыя безсвязныя выраженія, и извиненія сами себѣ противорѣчущія; но Эльвира была слишкомъ раздражена, чтобъ даровать ему прощеніе, —она сказала ему, что она разбудитъ сосѣдство и покажетъ ему примѣръ для настоящихъ и будущихъ лицемеровъ. — По томъ подошелъ къ постели, она будила Антонию; но видя, что голосъ ея не имѣлъ ус-

пѣха, онѣ подняла ее. — Очарованіе еще дѣйствовало -- Антонія не могла ничего чувствовать, и когда Эльвира перестала ее поддерживать, она упала въ постелю свою.

„Это сонѣ не обыкновенной, сказала удивленная Эльвира, которой неудовольствіе возрастало на каждое мгновеніе — шутѣ есть какая нибудь тайна; но прещи лицомѣрѣ; — скоро, скоро преступленія свои обнаружатся — Слушай! поди сюда! слушай! Флора! Флора!,,

„Сударыня! выслушайте меня на одну минуту, сказалъ монахѣ, приведенный въ страхѣ при приближеніи опасности. — Я клянусь вамѣ всѣмѣ, что есть свято, что честь дочери вашей не повреждена. — Простите моему погрѣшенію, избавьте меня отѣ стыда народнаго и позвольте мнѣ возвратиться въ монастырь; ради Бога, учините мнѣ милость сію, я обещаю вамѣ, что не токмо Антонія останется навсегда спокойною отѣ моихѣ прещдованій, но и что вся жизнь моя докажетѣ вамѣ ---,,

„Антонія будетъ свободно отъ твоихъ преслѣдованій! — да! я знаю, какъ предохранить ее отъ сего! ты больше уже не измѣнишь довѣренности матерей — пронырство твое обнаружится, весь Мадридъ вострепещетъ отъ твоей вѣроломности, твоего лицемерства и похотливости твоей! — эй! — слышите; кто нибудь! эй, Флора!,,

Между тѣмъ, какъ говорила она, Гиларій вдругъ вспомнилъ Агнессу — она такимъ же образомъ молила его о сожалѣніи, такимъ же образомъ онъ отвергъ просьбы ея. — Теперь настала и его чередъ терпѣть; онъ принужденъ былъ признасться, что наказаніе сіе было праведно. — Эльвира продолжала призывать Флору къ себѣ на помощь; но голосъ ея споль задушался гнѣвомъ, что сія дѣвка, находясь въ глубокомъ снѣ, не слышала крику ея, — взошли же въ кабинетъ, гдѣ спала Флора, Эльвира не смѣла, боясь, дабы монахъ въ сію минушу не избѣжалъ изъ рукъ ея. — Онъ въ самой вѣщи имѣлъ сіе намѣреніе, онъ льстился, что еслили онъ успѣетъ достигнуть

до монастыря своего, никѣмъ кромѣ Эльвиры не бывъ видѣнъ, то одного свидѣтельства оной не довольно будетъ для уничтоженія его репутаціи, спользвываясь въ Мадридѣ. — Въ сей мысли собравъ плащъ, которое онъ прежде скинулъ, спѣшилъ къ двери — но прежде нежели онъ успѣлъ отпереть оныя, Эльвира, замѣшивъ его намѣреніе, бросилась за нимъ, схватила за руку и остановила его.

„Не думай уйти отъ меня, сказала она, ты не оставишь сей комнаты безъ того, чтобъ не было свидѣтелей твоего преступленія.—,,

Тщешно Гиларій старался вырваться изъ рукъ ея — Эльвира не выпускала добычи своей и усугубляла крики, призывая къ себѣ на помощь. Опасность монаха была очевидна --- онъ каждую секунду мнилъ видѣть сбѣжавшихся сосѣдей на голосъ Эльвиры. Пришедъ въ неистовство при приближеніи опасности, онъ предпринялъ ужасное и плачевное намѣреніе. Обратившись вдругъ, одною рукою онъ схватилъ Эльви-

ру за горло, желая какъ бы воспрепятствовать крикамъ ея --- а другою низвергнувъ ея на землю, онъ привлекъ ея къ постели ея дочери. Удивившись отъ сего нападенія, она почти не могла дѣлать никакихъ усилій для своего освобожденія, между тѣмъ какъ монахъ, вырвавъ подушку изъ подголовы Антоніи, покрылъ ею лице Эльвиры и сильно угнетая колѣномъ грудь ея, старался удушить ея. Онъ весьма много успѣлъ въ ономъ. Хотя Эльвира, бывъ отъ природы сильною, а особливо бывъ разгорячена горестію, и долгое время старалась избавиться изъ рукъ его; но старанія ея были бесполезны. --- Монахъ продолжалъ сподать колѣномъ на груди, и безъ сожалѣнія зрѣлъ судорожныя движенія трепещущихъ членовъ ея, взиралъ безъ содроганія на зрѣлище трепещущаго тѣла ея, готовога испустить духъ его поддерживающей; наконецъ сіе ужасное прошивудѣйствіе кончилось. — Эльвира испустила духъ. Монахъ, и — снявъ подушку, разсматривалъ ея. Лице ея было покрыто ужасною синевою,

члены ея не имѣли ни малѣйшаго движенія, кровь оледенѣла въ жилахъ ея, сердце ея преспало биться и -- руки ея, были хладны и окостенѣлы. Сія фигура прежде столь благородная, столь величественная, была въ сію минуту не что иное, какъ нечувствительный, хладный и опврапительный трупъ.

Едва совершилъ Гиларій сіе ужасно опврапительное дѣйствіе, какъ увидѣлъ всю великость своего преступленія. Хладной потъ разпространился по тѣлу его, глаза его закрылись; съ трепетомъ бросается онъ на кресла и дѣлается столькожъ неподвижнымъ, сколь и несчастная лежащая у ногъ его. Необходимость бѣжать и страхъ бытъ найдены въ комнашахъ Антоніи, наконецъ извели его изъ сего состоянія. Онъ уже не думалъ довершитъ своего преступленія --- Антонія тогда показала ему предѣломъ опврапительнымъ. Хладъ смерти уничтожилъ въ немъ потъ жаръ, кошорой предъ симъ пожиралъ его внутренность. Уму его предсавлялись одни шокмо мрачныя карши-

ны его преступленія, смерти, стыда въ настоящности и наказанія въ будущности. Находяся между страхомъ и надеждою, онъ приготавливался бѣжать, — и сколь ни возмущали духъ его страхи, однакожъ онъ не упустилъ взять нужныя предосторожности въ разсужденіи своей безопасности; положивъ подушку на постелю, взявъ плащъ и съ роковымъ талисманомъ въ рукѣ, пошелъ онъ съ безпокойствіемъ. Раздираемъ страхомъ онъ ежеминутно мнилъ видѣть тысячу призраковъ, сопровождающихся его уходомъ. На которую сторону не обратится онъ, обезображенный трупъ представлялся взорамъ его и — онъ долгое время спрашился подойти къ дверямъ; здѣсь обвороженная мирша произвела обыкновенное свое дѣйствіе: дверь отворилась. Не встрѣшивъ никого, онъ низпускается съ лѣстницы и успремляется въ монастырь свой; здѣсь-то, запершись въ келью своей, онъ предался бесполезнымъ угрызениямъ совѣсти и страху приближающейся разгласки.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.